

ПОВЕСТЬ

*Ахат
Мушинский*

21

Лестница в небо

лестница в небо

1

ОНА давала малышу уроки английского языка. Ханя звала Оскара то просто Осей, то, передвинув ударение в начало слова, Оскаром. В первом случае это звучало тепло и по-свойски, в последнем – возвышенно и ближе к предмету её преподавания.

Он тоже звал её просто, без отче-

ства, без приставки «тётя», но также с привкусом английского – Хани (*honey*), в переводе – «милая». (О значении слова малыш узнал много позже.)

Ему было шесть лет. На внешность обычный мальчишка, с буйной соломой волос и непокорным «петушком» на макушке, только вот шею его вокруг и сзади, до самого затылка, скрывал ортопедический корсет – упал на детской площадке, повредил позвоночник. Но

подвижности его и живости это медицинское устройство, казалось, совершенно не мешало, казалось, оно срослось с ним, и было продолжением его тела.

В детский садик Оскар не ходил – доктора запретили. Родители пропадали на работе, и до последних своих дней возился с ним дедуля – дед по материнской линии, дирижёр самодеятельного хора на пенсии. Он научил внука считать, читать, писать и печатными, и каллиграфически красивыми с завитушками буквами, играть в шахматы, брать аккорды простеньких песен на пианино... Он устроил дома из стульев, занавесок кукольный театр и ставил сногшибательные спектакли. Там были богатыри и злодеи, сражения и безвыходные тупики, из которых спасала спускавшаяся по плетёной лестнице с небес ангельской красоты волшебница. Хоть и кроили, шили, лепили сказочных персонажей дед с внуком вместе, развития событий на сцене малыш обычно не знал.

Дом у них на улице Тихой элитного посёлка был большой, в три этажа и с башенками, с приусадебным участком, где бывший дирижёр выращивал розы множества расцветок и ароматов. Оскару особенно нравилась нежно-бежевая роза с алой сердцевинкой и красивым названием *Боттичелли*.

Как-то малыш с помощью дедули составил букетик из этих роз в обрамлении изумрудных листиков и вечером протянул маме, когда она вернулась с работы.

– Ой, Оскáрик! – воскликнула она. – Поставь в вазу, я так устала!

И правда, они с папой очень устали. Она, обладательница пышной груди и несколько длинноватых, если не сказать – мужских рук, работала в салоне красоты, а глава семьи, на вид невзрачный представитель сильного пола, был гендиректором городского продуктового рынка. Поскольку семья жила в отдалении от города, родители вставали в 5:00 утра, по-быстрому при-

водили себя в порядок, завтракали и до автомобильных пробок отправлялись в путь. Возвращались поздно и, естественно, им было уже не до сыночка.

Своей смертью дед никого не обременил, не болел, требуя внимания, почил ночью, тихо, когда все спали. Но малыш один не остался. Родители позаботились, и у отпрыска появилась «Баба-няня», дородная тётя, которая умела всё – и пирог испечь, и кран починить, и, главное, вверенный ей объект без присмотра не оставить. В общем-то, добрая была Баба-няня.

Чуть позже на порог дома спустилась с облака ангелоподобная Ханя, в устах ребёнка просто Хани. Как раз такая, какая спасала честной народ в дедулином кукольном театре, но только живая. Утончённая, светловолосая, с ясным, добрым взглядом больших карих глаз, она была специалистом английского языка (кандидатом наук), но бралась и по другим предметам позаниматься с малышом, которому на следующий год держать экзамен в самую престижную гимназию города, ну не экзамен – конкурсное собеседование, так сказать.

Она быстро прониклась печалью и интересами «наследника Тутти», уловила его не по возрасту смыслённость. Он же после смерти дедули впервые при ней оживился, заговорил о многом, что интересовало его в безбрежном мире, распахнувшемся перед ним.

Её дом был рядом, всего в двух автобусных остановках. Она приезжала на своём серо-голубеньком «ниссане» типа кроссовер, Баба-няня отворяла ворота усадьбы, а мальчик стоял уже на крыльце дома, переминаясь с ноги на ногу, в ожидании своей Хани, которая в считанные месяцы стала близким ему человеком.

– Опять ты вышел не одетым! – выговаривала она, подходя и обнимая малыша. – Всё-таки октябрь на дворе!

– Я тебя уж сколько жду! – отвечал он, вскидывая на неё обиженный взгляд своих больших ореховых глаз.

– Сегодня ехала сюда из города, – оправдывалась учительница. – Знал бы, какие заторы на дорогах!

Они поднимались на третий этаж, а потом по винтовой лестнице в одну из башенок, где были устроены для малыша и кабинет, и спальня, и урок начинался.

– *Oscar, where did we stop?**

– Мы остановились на...

– Нет, О-оскар, – перебивала Хани, – отвечай по-английски. Хотя бы тему урока назови.

Они занимались уже несколько месяцев, и малыш здорово прогрессировал. Язык, точнее, языки, как и другие предметы, давались ему легко, и он в своих любопытствах постоянно выбивался за сферы школьного образования. То, что раздражало мамашу, «надоел он своими никчёмными вопросами», кандидату наук нравилось и вызывало нескрываемый интерес к почемучке.

На радость родителям она принялась расширять время общения с малышом. Точнее сказать, время и территорию, – они стали ездить по различным музеям города, куда не ступала нога семейства лидера городской торговли, гулять в бесконечных разговорах по паркам. Побывали и в кукольном театре, где на самом весёлом месте малыш вдруг заплакал.

– Ося, милый, что с тобой? – утирала Хания его слёзы своим платочком в фойе театра. Она так взволновалась, что позабыла, что она просто училка, ей показалось, что перед ней самое что ни на есть родное, близкое существо, как её дочь, которая, впрочем, в платочке матери давно уже не нуждалась.

Как так получается, что с родными людьми такого единения, такого взаимопонимания не получается, как с чу-

жим вот ребёнком, чудесным, румяным яблочком, пусть и не твоего древа?!

– Дедуля эту сцену показывал совсем не так, – не переставал всхлипывать малыш, – совсем не так...

Хани знала про кукольный театр бывшего музыканта и, чтобы отвлечь печальные мысли ребёнка о своём любимом дедушке, постаралась перевести разговор на другое:

– Я всё забываю спросить одну очень важную вещь.

– Какую? – насторожился Оскар.

– Когда у тебя день рождения?

– Двадцать шестого мая, – ответил малыш без заминки.

– Значит, ты из близнецов по гороскопу.

– Значит, да, – всхлипнул он.

– Похоже, тебе это не нравится?

– А что хорошего? Всё-то у меня раздваивается. Нет никакой определённости. Вот даже ты зовёшь меня то Оскаром, то Осей. Я не против, но... стал вот чувствовать, что и сам я внутренне то один, то другой.

И малыш пояснил, что когда он – Ося, то целый день добр и весел, а когда Оскар – строг и даже опасен.

Хани удивилась:

– Как это «опасен»?

– Ну... не для всех, но для некоторых?

– Всё равно не понимаю.

– Хани, открою тебе и только тебе мою тайну: я ведь волшебник.

Хани заулыбалась.

– Не веришь?

Молодая, образованная женщина поспешила поверить:

– Я же не отрицаю, но всё равно как-то это странно в наши дни.

– Демонстрировать не буду, это запрещено, только скажу: во мне сидят два ведуна, не знаю, как точно назвать их. Один обозначен во мне кругом, другой – острым треугольником. И вот они ведут меня, чередуются между собой...

– Ося, дорогой, ты один, ты один и очень хороший мальчик, но нормальному человеку свойственны различные

* Оскар, на чём мы остановились?
(Англ.)

настроения. И замечу, родилось твоё волшебное высочество в один день с другим высочеством — Александром Сергеевичем Пушкиным.

— Но он родился в июне.

— По нынешнему изменённому календарю. Но тогда-то он появился на свет как раз в мае и считал себя майским. На мой взгляд, май — самый лучший, самый весёлый месяц в году... — Она не договорила, из дверей зрительного зала выбежали дети, за ними вывалили мамы и папы, спектакль закончился.

2

Хания, Хани, новоявленная гувернёрша была тончайшей морской раковинкой, в которой отзывались и хранились все прелести и все несправедливости, пересекавшие её жизненный путь. Она близко к сердцу принимала холодность, даже отчуждённость родителей в отношениях со своим Осей. Матери не нравились постоянные вопросы почемучки, на многие из которых она просто не знала ответа. Например, почему раньше вокруг солнца было девять планет, а теперь восемь? Почему Волга впадает в Каспийское море, когда она приток Камы? И так далее до приступов мигрени.

А что глава семьи? Важным его воспитательным посылом было, чтобы Оskarик в туалете после кнопки смывного бочка закрывал за собой крышку унитаза, а то из него «вылетят злые духи». Сам он вообще-то был добрым человеком — холодильник дома ломился от всяческих вкусняшек, на столе в красивых вазах красовались свежие фрукты разных видов и сортов. Ешь — не хочу! Но его самого поедала тяжёлая работа, у него даже позади рабочего кабинета в правлении рынка была комната отдыха с диваном, холодильником и телевизором. А выпадавшее свободное время по выходным он посвящал своему парку автомобилей, где

в боевой готовности дежурили несколько блестящих легковых авто во главе с «геликом» — армейским «мерседес-геленвагеном», чтобы, значит, в любую погоду до работы добраться.

Оскар, Оskarик, Ося был, конечно, необычным ребёнком. Например, даже она, филолог по образованию, так хорошо не знала мифологию Древней Греции, как её маленький подопечный, хотя в университете и был у них предмет по античной литературе. Он легко оперировал именами героев «Илиады» и «Одиссеи», вспоминал тамошние истории к месту какого-нибудь разговора, а она и радовалась его знаниям, и огорчалась, что сама вот мало что помнит из любимого когда-то предмета. А астрономии, которую любил Оскар, у них и в школе не было.

Однажды Хани застала его за прослушиванием знаменитой песни «Лесница в небо» рок-группы «Led Zeppelin*» и сказала, что этой песней восхищался ещё её отец в молодости.

— Да, я знаю, — ответил малыш, — она не новая. Её показал мне в начале этого года дедуля, да и в своём театре использовал. Классная вещь! Не просто песня, а настоящая опера, скажи?!

— С музыкальной точки зрения, превосходная, а по смыслу не совсем внятная, поток сознания какой-то.

— Что ж тут невнятного: лестница устремлена в небеса, где гуляет в облаках девушка, сияющая волшебным светом.

— Это твой вольный перевод. Красивый, конечно, романтичный, но не совсем точный. Там говорится, что она, героиня баллады, покупает лестницу в небо.

— Мне кажется, эта песня о тебе, Хани, — произнёс Оскар и запустил громкость своего смартфона на полную катушку.

* «Led Zeppelin» — «Свинцовый дирижабль» (англ.)

– Сэр, нам надо заниматься! *Time is short**, – постучала она по часикам на своей руке.

В своих увлечениях его заносило порой в сторону или, как в этом случае, в небеса от столбовой дороги уроков.

Действительно, в некоторых областях знаний малыш далеко обошёл не только своих сверстников, но и мамашу с папашей вместе с Бабой-няней, да и со штатным гувернёром местами тоже. Спасибо дедуле, он успел в той или иной мере передать внуку всё, чем сам увлекался. Но познания вступавшего в большой мир юнца всё равно были, как зебра полосатая, – тут густо, а тут пусто. Однажды они зашли в кафе в центре города. В то время малыш ещё не был волшебником. Заказали чай с лимоном и по кусочку торта «Наполеон», который малыш очень любил. Когда их обслужили, она, помешивая ложечкой в чашке с чаем, невзначай спросила:

– Наполеон... Что это значит?

– Как что? Это значит самый вкусный торт на свете! – живо откликнулся малыш и принялся за слоистое лакомство.

Оказалось, что наш вундеркинд ничего не знал о знаменитом полководце и государственном деятеле, его военных походах, победах, поражениях и так далее.

Когда рассчитывались, официантка, улынувшись симпатичным своим клиентам, сказала:

– Наполеона можно и с доставкой на дом заказать.

3

Осень в том памятном году выдалась необыкновенно тёплой. Уж декабрь был на носу, а солнце не переставало одаривать землю ласковыми лучами бабьего лета. Гуляли по мест-

ной Швейцарии, поднялись на его высокий холм, откуда были видны и бело-снежный Кремль, и белые пароходы, будто бы замершие вдали на дымчато-синей глади неподвижной Волги. Приветливый ветерок омывал их открытые солнцу лица.

– Как жаль, что я не художник! – сказала Хани. – А то бы запечатлела эту красоту.

– Понятно, – покачал головой Оскар, – глобальное потепление.

Вдали, над удивительно зелёным в это время года лугом, кружил, раскинув крылья, пернатый обитатель местной Швейцарии.

– Ястреб, – определила Хани.

– Точно, – подтвердил малыш. Одним из его увлечений была орнитология. Откуда взялась? Дед-то никогда птицами особо не увлекался. Ну да, отличал стрижа от ласточки, но не более того.

– А над нашим домом вчера кружил не ястреб, а вертолёт, – продолжила Хани.

– Знаю, – отозвался Оскар.

– Откуда?

– Я же волшебник.

– Ах, да... я и забыла.

Помолчали, продолжая следить за кружением птицы. Тепло, лёгкие куртки нараспашку. Малыш раскинул руки, как крылья, и вот-вот спланирует к своему воздухоплавающему собрату. Не опуская крыльев, он прервал молчание:

– Ещё один секрет тебе открою, Хани. Ко мне почти каждой ночью прилетает Сапсан, и мы с ним отправляемся в необыкновенные путешествия.

– Не во снах ли всё это видишь? – как можно дружелюбнее спросила Хани.

– А это вот что?! – Оскар достал из нагрудного кармана курточки иссиня-чёрное, удлинённое перо и протянул ей.

Она взяла, стала разглядывать:

– Мама знает?

– Что ты!.. Нет, конечно.

* Время не ждёт (англ.)

– И куда вы летаете?

– По-разному.

– И всё же, например?

– В начале ноября вот побывали в Мексике.

– В Мексике?

– Да, сначала в городе богов Теотиуакане, осмотрели знаменитые пирамиды Солнца и Луны, а потом полетели в Гвадалахару на День мёртвых. Это один из самых больших праздников в Мексике.

– Праздник ночью?

– А там-то день.

– Ах, да!

– Никто так не почитает своих ушедших родственников, как мексиканцы! – Рассказчик достал из кармана конфету «Мишка на севере», развернул, откусил половинку, а другую протянул Хане. Она не отказалась. Далее он сделал из фантика самолётик и запустил в небо, в сторону парящего ястреба, но самолётик получился маленьким и быстро клюнул носом под откос холма. Ночной путешественник продолжил рассказ: – Налюбовавшись в Гвадалахаре на толпы скелетов, призраков, разного рода шаманов и магов, мы полетели к главному *брухо* (колдуну) Мексики, который был известен как Доктор Кокс.

– Куда это ещё?

– Он обитал в предместье Гвадалахары в хижине из бамбука между шумной речкой и пальмовым лесом. Мы прямо перед калиткой его двора приземлились. Над передней частью хижины вился дымок, хотя трубы и не было. Калитка не заперта. Прошли через двор к крыльцу. Я поправил чёлку, выпрямил спину, хотя она под корсетом и не гнулась, Сапсан на плече, на ремнях моего панциря, и, выдохнув, шагнул в жилище, в его переднюю, которая и была приёмной Доктора Кокса.

Он сидел на невысоком плетёном стульчике без спинки и подлокотников, скрестив ноги, и металлической тростью тыкал в костерок, разведённый в плоском чане. Дым вился космами

и улетал в отверстие на потолке. В углу белел скелет в сомбреро. На специальных подставках мерцали свечи. На вид он был обыкновенный дядька в годах, не по чину в простой холщёвой рубашке и таких же штанах. Только вот чутко лохматый, и на шее и груди его висели гроздьями чьи-то клыки, когти, камешки какие-то. Он поднял поблёскивавшую сединой голову и сказал: «Проходи, садись», указав на такой же плетёный табурет, как у него.

Я поблагодарил и сказал, что постою.

«Это твой *amigo**?» – кивнул он на Сапсана. Я подтвердил. Потом он сказал, что ждал меня и ради встречи отменил все заявки посетителей.

– Откуда он знал, что ты явишься? – удивилась Хани.

– Наивный вопрос. Он же колдун, высочайший *брухо* Мексики, – ответил малыш. – Потом он сказал, что я подлинный ацтек, раз почитаю своих ушедших предков, и герой, раз пересёк океан и не побоялся предстать перед ним воочию. «Сегодня второе ноября, священный день. Я испросил разрешения у милосердной Миктлансиуатльи, Богини Смерти... И вот исполняю твою просьбу, смотри туда, куда уходит дым».

Я поднял глаза на дыру в потолке. Дым еле вился вверху, в потолочной проруби помигивали звёзды. Вдруг я услышал голос дедули: «Внучек мой, привет!» Вслед за голосом появилось и колеблющееся в дымке, призрачное лицо дедушки. Я тоже ответил приветствием и спросил, как ему там? Он сказал: «Нормально. Поселился в уютном домике, выращиваю розы – алые, белые, не забыл и твоего любимого *Боттичелли*. Только здесь они не пахнут. Тут вообще нет запахов. Очень скучаю. Я же вижу вас всех отсюда до единого. Каждый ваш шаг там, на Земле...»

* *Amigo* (исп.) – друг.

Малыш замолчал, взял было у Хани аспидно-серое перо Сапсана, но тут же вернул:

– Пусть у тебя будет. – Затем тихо промолвил, подняв на неё свои большие ореховые глаза: – А знаешь, что ещё дедуля сказал?

– Откуда же мне знать, Ося?

– Он сказал: «Хани – ангел. Помни это».

– Да ладно! – потрепала солому его волос Хани.

– Не веришь?

– Откуда же ему знать про меня. Я ведь позже пришла к вам.

– Хотя его и нет с нами, но он всё знает. Недолго мы с ним общались. Он исчез так же неожиданно, как и появился. Я поблагодарил Доктора Кокса и подарил ему коробочку с волжскими ракушками. Может, повесит себе на шею хотя бы одну.

Уже на обратном пути малыш досказал историю посещения мексиканского колдуна:

– Доктор Кокс спросил, знаю ли я значение своего имени. Я ответил, что не задумывался об этом, что слышан только о кинопремии «Оскар». Он посмеялся: «Ки-но-пре-ми-и, ха-ха», и сказал: «Имя Оскар означает Копьё Бога. Это ко многому обязывает. Ведь имена на самом деле даются не родителями, а спускаются свыше».

– Надо же! – воскликнула Хани. – А я-то думала, почему мои родители не смогли дать мне имя, действительно рекомендованное бабушкой.

– Под конец встречи Доктор Кокс сделал мне неожиданное предложение, что даже терпеливый Сапсан заволновался, завращал своей иссиня-чёрной головой, зашевелил маленькими усиками. Какое предложение? Поверишь – нет, остаться там наследником брухо. Его-то сын с внуком, оказывается, погибли на чужбине. Волшебная сила Доктора Кокса не имела возможности пересечь океан и вызволить их из беды. Я ответил благодарностью за доверие и сказал, что не могу, меня дома

ждут. «Жаль, – произнёс он, – но помни о предложении». – И с этими словами подарил мне на прощание волшебный камень в виде небольшого шара, точнее даже, колобка из чёрной вулканической лавы. – Он тебе кое в чём поможет, лишь произнеси неслышно: «Обси-чандра-магус-фикус-кок». Впрочем, и без этого в тебе заложены магические способности. Ты же Копьё Бога, в конце концов! Не трать только кванты волшебной энергии попусту, они не безграничны».

– Он у тебя есть, камень этот? – поинтересовалась Хани.

– Да, есть, – ответило Копьё Бога. – Дома лежит. Его неудобно таскать с собой, карман оттягивает.

4

Безусловно, основой их встреч были занятия по английскому языку и другим предметам. Скоро наш вундеркинд бегло заговорил *по-англицки* на бытовые темы с наскоками на культурно-общественные мотивы. Так что они продвигались по всем фронтам, включая и свой культпросвет, который на одном из уроков единогласно назвали «Лестницей в небо».

Таким образом, к ежедневным прогулкам в обязательном порядке включалось посещение музеев, выставок, домов, где жили в разные времена всемирно значимые люди. Ей и самой были интересны их походы, и сама она не везде бывала, да и сам Оскар был ей не менее интересен. Конечно, всё это оплачивалось, но из всего сказанного, должно быть, уже понятно, что золотой телец являлся не главным героем этой истории. У Хани были ведь и другие ученики, стало быть, и другие заработки.

Но вернёмся к повествованию, к цепочке невыдуманных событий.

У нас в городе несколько галерей изобразительного искусства, одна из

них, Центральная, принимает на временные выставки произведения из Эрмитажа. Последний в ноябре культпоход пришёлся как раз на такую экспозицию. Большую, представительную. Дух захватывало у Хани, когда вдруг перед ней возникали мадонны с младенцами великого Леонардо. А внимательного Оскара остановило вдруг полотно немецкого художника Каспара Давида Фридриха «На парусном корабле». Малыш молча разглядывал картину, склоняя голову то в одну сторону, насколько позволял корсет, то в другую. На носу парусника сидят молодые мужчина и женщина. Он держит её за руку. Море безбрежно, ветер надувает паруса. Парочка дана художником со спины, оба устремили свои взгляды вдаль, где на горизонте еле-еле, как видение, вырисовываются в дымке городские шпили соборов. Это город их мечты и будущего счастья.

Хани тоже прониклась живописной картиной:

– Я бы назвала её «Вся жизнь впереди!»

– А я бы повесил эту картину дома, – отозвался Оскар. Завидую этим двоим на носу корабля. Я ведь никогда не катался на паруснике.

– Какие твои годы! – произнесла Хани, что означало «у тебя всё ещё будет!»

На выходе из музея она спросила, не забыл ли ученик Доктора Кокса взять с собой волшебный шарик – после экскурсии они договорились зайти к её ученице, девочке Лилии, которая уже третью неделю температурила, кашляла, страдала от головных болей... Родители, известный юрист Агдамов и его супруга, не менее известная бизнесвуменша, в больницу её не отдали, приглашали именитых врачей на дом, тут же, на дому, медсёстры ставили ей системы, но ничего не помогало.

Они жили недалеко. Отправились пешком, оставив машину у музея.

– Ты, Хани, к ней не заходи, заразишься ещё.

– А тебе можно?

– Мне можно, я же волшебник. В квадрате.

– Как это?

– Со мной ещё волшебный колобок.

– Всё равно, вот тебе антивирусная повязка.

– Ну, если антивирусная...

Оскар взял повязку, и они вошли в подъезд. Благополучно миновали консержа с золотой блямбой на груди, – видать, был предупреждён, раз не привязался.

– Какой этаж?

– Третий.

– Пойдём пешком.

– Хорошо.

По всем стенам подъезда разноцветные граффити, на подоконниках горшки с цветами...

– Как можно в такой красоте болеть? – удивлялся волшебник, пытаясь нацепить повязку.

– Давай помогу. – Хани растянула за верёвочки антивирусное приспособление и ловко нацепила его на малыша.

По предварительной договорённости родители приняли необычных докторов благосклонно. Чувствовалось, Хани здесь пользовалась большим уважением. Они помогли раздеться разнокалиберной парочке и без лишних слов исполняли все их требования. Маленький доктор прошёл в туалетную комнату, помыл руки, тщательно вытер полотенцем, попросил сухую тряпочку, типа бархотки. Ему дали микрофибровую салфетку для протирки очков, он принял её. Потом с матерью Лилии вошёл в полутёмные покои, потом попросил оставить его с больной наедине.

Перед ним была бледная, красивая девочка с распущенными по подушке светлыми волосами.

– Лилия, здравствуй – произнёс он. – Меня зовут Оскар.

– Здравствуйте, – ответила Лилия.

– В каком классе ты учишься?

– В первом.

– А я в первый класс пойду на следующий год.

– Здорово!
– Как себя чувствуешь?
– Сейчас слабость, а вечером поднимется жар.

– Скажу тебе, завтра ты начнёшь поправляться.

Она не ответила. Чувствовалось, ей было не до разговоров. Она закрыла глаза. Оскар не стал больше тревожить, сидел молча. Минут через пять достал чёрный колобок из вулканической лавы, тщательно протёр его микрофибровой салфеткой для очков, поднёс на развёрнутой ладони к своей груди и, глядя на Лилию, произнёс шёпотом:

– Обси-чандра-магус-фикус-кокс... Заклинаю памятью дедули, именем Хани, волей Доктора Кокса, крыльями Сапсана, квантами моей энергии и волшебной силой чёрного шара тебя, Лилия-цветочек, встать завтра на встречу солнечным лучам, встряхнуться, потянуться и сказать: «Здравствуй, утро доброе, я жива-здоровая, стою на носу корабля, который на всех парусах мчит меня к моей сокровенной мечте и счастью!» Обси-чандра-магус-фикус-кокс... Всё сбудется и всё будет хорошо. – Он тронул ладонь девочки и пошёл к выходу.

В прихожей его нетерпеливо ждали.

– Ну что, господин Оскар? – спросила мамаша.

– Что так долго? – спросила Хани.

– А где салфеточка от моих очков? – спросил папаша.

– Пойдёт на поправку, – ответил Оскар. – А салфетка на стуле осталась.

в музей. Оскар тоже запахнулся, вжикнув «молнией» своей курточки.

– Сглазили мы тогда, на холмах парка, наши солнечные деньки, – резюмировал он.

Хани приобняла малыша и спросила:

– И каков всё-таки твой вердикт в отношении Лилии?

– Я же сказал, поправится. Завтра к вечеру или, в крайнем случае, послезавтра, к утру, температура спадёт, и она встанет на ноги.

– И что ты предпринял там, у неё?

– Объединил добрую волю всех хороших людей в один пучок энергии и направил на Лилию.

– А чёрный шар, а закливание Доктора Кокса? Каконо звучит-то: обсидиан-чара-мага?.. Позабыла.

– Я всё применил, Хани, по полной. Позвони им через денёк и убедишься...

– Смотри-ка ты... И ни тени сомнения!

– А какие могут быть сомнения?! – пожал плечами маленький волшебник.

Топали по краю тротуара, собираясь скоро перейти на другую сторону улицы, где был музей и парковалась их машина, когда вдруг промчавшийся впритирку с поребриком чёрный «мерс» обдал их брызгами лужи с ног до головы. Хани только ойкнула, а Копьё Бога не выдержало такого свинства. Оскар сорвал с головы вязаную шапочку, крутанул ею над бурей волос и вслед удалявшемуся авто разрезал воздух пронзительным пацанским гиком:

– Чтоб тебя разорвало!

Сумасшедший «мерс» проскочил перекрёсток на жёлто-красный свет и помчался было дальше, но вдруг в мгновение ока превратился в огненный шар со зловещим раскатом взрыва бомбы.

– Что ты наделал, Ося! – воскликнула Хани.

Оскар и сам был поражён эффекту своего заклинания – стоял в прямом смысле слова с открытым ртом.

5

Улица встретила их неожиданной сыростью и лужами. Пока они были у больной, прошёл сильный дождь.

– Вот и настоящая осень наступила, – сказала Хани, застёгивая пуговицы своего белого демисезонного пальто, которое она купила за день до похода

Вечером в новостной программе телевидения Хани услышала, что в городе, недалеко от Центрального изомузeya, был совершён террористический акт – взорван легковой автомобиль. Человек, ранее прикрепивший под капот авто взрывное устройство, задержан. Его чётко зафиксировала видеокамера во время совершения преступления. Кто был в салоне машины, Хани не слышала... В каком-то нервном порыве её стало носить по квартире из угла в угол, из прихожей на балкон и обратно. Муж спрашивал:

– Что с тобой?

Она возмущённо отвечала, кивая на телевизор:

– С каких пор в нашем городе стали взлетать на воздух подорванные минами автомобили?!

– У тебя там близкие оказались, что ли?

– Не в этом дело!

Ведь и в самом деле, чуть не поверила, что Оскар, что милый, шестилетний Ося обладает какими-то сверхстрашными силами. На следующий день, ближе к полудню, она позвонила Агдамовой и после взаимных приветственных слов услышала:

– Ханья-джаным, спасибо, дорогая! Лиличка, цветочек мой, встала утром, шагнула к окну, навстречу солнечным лучам, встряхнулась, потянулась и воскликнула: «Здравствуй, утро доброе, я жива и уже, кажется, здорова!» Веришь – нет, и градусник показал ровно тридцать шесть и шесть.

6

– Хани, ты никому не рассказывала про моего Сапсана? – спросил Оскар.

– Нет, не рассказывала.

– Честно?

– Ты обижаешь меня, Ося!

Они пересекали поутру рощицу на пути к дому известного писателя и старшего друга Хани. Они успеш-

но следовали дорожной картой своей культпросвет программы.

– И вообще, – повторила наставница, – такие вопросы просто неприличны.

– Прости, Хани! – И чтобы отвлечься от прокола он задрал голову, насколько ему позволил корсет, и заговорил с двумя синичками, притулившимися на голой ветке молодой берёзки:

– Дзинь-дзинь...

– Синь-синь, – ответила одна из них, подрагивая хвостиком, и продолжила: – Ци-ци-фи, ин-чи, ин-чи...

– Он говорит, а это самец, – пояснил Оскар, – что стало холодно, и они перебрались поближе к городским жилищам.

И в самом деле, уже декабрь, а снега не было, всё вокруг серо, голо, бесприютно. Деревья стояли со вскинутыми вверх обнажёнными ветвями, будто руками, просившими у неба снега.

Самец не унимался, поправляя клювом чёрный галстучек на ярко-жёлтой груди:

– Пинь-пинь, цу-ви-цу, чи-чи-фи...

– Угостим их пирогом, – кивнул Оскар на пакет с гостинцами для писателя.

– Конечно, – ответила Хани и спросила: – Ты понимаешь птичий язык?

– Лучше английского, – сказал малыш, – сажая горбушку пирога на острие сломанной ветки бузины.

* * *

Ося представлял себе писателя обязательно с пышными усами, как у Марка Твена, а то и с бородой, как у Льва Толстого, а тут их встретил на пороге мужчина неопределённого возраста, коротко стриженный и бритый так, что пол-лица его сияло голубизной, как автомобиль Хани.

Писатель жил на третьем этаже обычного многоэтажного дома, в обыкновенной однокомнатной квартире без камина, но с телевизором, ноутбуком,

письменным и журнальным столами, роскошным креслом, просторным диваном, книжным и платяным шкафами под одним потолком. Своё жилище писатель называл ласково берлогой. Эта берлога его была снабжена также кухней, совмещённым санузлом и весьма обширной лоджией с видом на рощицу, которую миновали на пути сюда гости.

Его звали Урал. Был он из породы потомственных геологов. Облазил в своё время весь Памир, Тянь-Шань и, естественно, Урал вдоль и поперёк. Защищал диссертацию, стал кандидатом геолого-минералогических наук... Но всё это в прошлом, в настоящем – писатель, автор романов, повестей, рассказов в журналах и трёх десятках книг.

Поздоровались по-мужски – пятерня в пятерню. Писатель представился первым:

– Урал Ибрагимович. Можно – просто Урал.

– Оскар, – тихо ответил гость.

– О-о-оскар или Ооска-а-ар? – приложил к уху ладонь щепетильный к словам писатель.

– О-о-оскар, – ответила за спутника Хани.

Первым делом мальчик обратил внимание на сомбреро, красовавшееся на стене у окна:

– Вы бывали в Мексике?

– Да, – ответил Урал Ибрагимович, – на Всемирном конгрессе писателей в Гвадалахаре. Слышал такой город?

– Слышал, – ответил Оскар и строго взглянул на Хани: не проболтайся, мол.

Хозяин гостеприимной берлоги снял с гвоздя сомбреро:

– На, дорогой, примерь. Вот зеркало. – Он взял смартфон. – А я пока щёлкну мексиканца на память.

В этой «берлоге» было всё интересно. Стены были увешаны картинами, на широченном подоконнике теснились камни различных калибров и расцветок – белые, красные, зелёные, полосатые, в крапинку... Среди них привлёк внимание гостя смоляного цвета бюст

индейца с орлиным носом и серебряными висюльками на ушах:

– Можно посмотреть?

– Ацтека? Пожалуйста! – С этими словами писатель достал бюст и протянул его гостю.

– Обсидиан, – определил Оскар.

– Откуда знаешь? – удивился хозяин.

– У меня дома такой шарик, колобок такой есть.

– Вон оно что! В наших краях это редкий камень, вернее – стекло, созданное природой из вулканической лавы.

Оскар промолчал, только головой закивал.

– Урал, покажи гостю кораблик, – попросила Хани.

– Сейчас... – Писатель шагнул к книжному шкафу и достал с верхней полки необычный парусник, который полностью состоял из раковин-ракушек – и корпус, и рубка, и постамент... Особенно были привлекательны паруса. Белоснежные ракушки громоздились на мачтах и были все одинаково выгнуты, будто от сильного ветра.

– А ты послушай... – И хозяин берлоги приложил к уху малыша самую большую раковину корабля, служившую корпусом, со стороны, так сказать, входа в трюм.

Оскар, весь внимание, услышал протяжный гул то ли ветра, то ли морского прибоя. Постоял, пожмурился и воскликнул, наконец:

– Ничёсе! Как это всё хранится в нём? Я вот коллекционирую ракушки, волжские ракушки... И там ничего подобного.

– А это морские! С пяти морей собраны.

– Честно?

– О-о-оскар, – воскликнула Хани, – а ж тебя просила!

– Ой, извините! – замялся малыш, но быстро, как это бывает у детей, переключился: – А я зато умею делать бумажные кораблики. Вот дайте мне листочек...

Писатель потянулся к ксероксу, извлёк требуемое формата «А 4»:

– Вот...

Оскар взял и стал очень аккуратнo, немного посапывая в своём старании, гнуть лист бумаги, разглаживать, утрамбовывать, разворачивать и вот в его руках появился готовый к плаванию белоснежный фрегат. Через минуту готов был и второй, и третий...

– Я тоже хочу научиться, – сказал большой ребёнок Урал.

– Давайте вместе, – отозвался Оскар. – Я буду делать, а вы повторять за мной.

И оба – и взрослый, и малый – засопели над журнальным столиком. У писателя в итоге не очень получилось, и юный кораблестроитель великодушно поправил писательское творение.

– Кто тебя научил? – спросил Урал.

– Дедуля, – ответил малыш. – Теперь на бортах надо обозначить свои символы.

Взяли карандаши...

Оскар нарисовал птицу, больше похожую на размашистую бюрократическую галку. Урал изобразил три наехавших друг на друга треугольника, что означало, должно быть, горы, а на другом борту – якорь с цепью. Потом, подумав, пририсовал по обеим сторонам иллюминаторы.

Оскар тоже добавил иллюминаторы и спросил:

– Почему они всегда круглые?

– Был у нас такой курс в университете... «Сопромат» назывался, то есть сопротивление материалов. И вот там говорилось, что круглое отверстие менее разрушительно для металлической плоскости. Но у старинных деревянных парусников-то бойницы были прямоугольные. Понятно, почему...

– Пойдёмте, спустим на воду, – воспламенился малыш. – Устроим морской бой!

– Конечно, ты целую армаду себе наделал, а у меня всего один кораблик.

– Ничего! Я поделюсь.

И они отправились в ванную. Что

там творилось, трудно передать! Хорошо, что соседи на шум не прибежали.

– Славная регата получилась! – оценила Хани уже за столом кухни, нарезая пироги и разливая чай с бергамотом.

– Не регата, а морской бой, – поправил писатель.

– Только они быстро мокнут, – сожалеюще произнёс Оскар. – И теряют манёвренность. Мой флагман-то сразу заклевал носом. (Адмиралы управляли своими кораблями прутиками от веника. – *Прим. автора.*)

При виде искусно накрытого стола морская баталия разом позабылась. Отвергнув сытные пироги, малыш сразу потянулся к «сладенькому», тем более что здесь был и его любимый торт.

– А вы знаете, кто такой Наполеон? – обратился сладёна к писателю.

– Конечно, – ответил Урал Ибрагимович, – полководец, император и в то же время реформатор. У меня и книги о нём есть. Манфреда, Тарле... Вообще о Наполеоне написано более 200 тысяч книг. Кстати, полководец любил играть в шахматы. – Хозяин кивнул на клетчатую коробку на подоконнике и спросил юного гостя: – Играешь?

– Да, с дедулей мы вечера просиживали за шахматной доской. – Но пока малыша в большей мере занимали шоколадные конфеты типа «Красная шапочка» в плотной обёртке. Он разворачивал их и складывал из фантиков самолётики. А содержимое красочных обёрток? Понятное дело – испарялось.

– Сделать ещё один самолётик?

– Да нет уж, хватит, – отвечала Хани. – У нас тут уже целый аэродром собрался.

– А они летают? – поинтересовался писатель.

– Ещё как!

После «мёртвых петель», «пике», «бочек» и прочих фигур высшего пилотажа разговорились о главном.

– А ты кем хочешь стать? – спросил

геолог, учёный, писатель и тёзка необъятного Урала.

По воле судеб тёзка кинопремии «Оскар» задумался. Не о том, кем ему в будущем стать, а о том – сказать или не сказать. Но недолго он испытывал себя:

– Если честно, или космонавтом, или... – Он поднял глаза на хозяина гостеприимной берлоги. – Или писателем.

– Ну, то и другое, в принципе, одно и то же – полёт в неведомое. – Совершенно серьёзно, без тени иронии ответил Урал Ибрагимович.

Тема была святая. Чтобы шестилетний мальчишка пришёл к мысли, до которой он сам дошёл всерьёз лишь на третьем десятке, заставляла с уважением отнестись к планам юного человека, стоявшего на пороге большой жизни.

– У нас ведь немало космонавтов, которые после космических полётов издали свои книги, – оторвавшись от пирога, произнёс Урал Ибрагимович. – То есть, что я хочу сказать, можно быть космонавтом и писателем одновременно. Но заковыка в том, что одну книгу, как показывает практика, способен накропать, в принципе, любой образованный человек, тем паче – космонавт или астронавт. Кто ещё, кроме них, может описать, например, чувства человека над нашей родной планетой, глядя на неё из космоса, или передать ощущение беспредельного одиночества, топая по лунной пустыне? Вот, скажем, в школе задают задание написать сочинение на тему «Как я провёл лето», с таким же успехом можно ведь написать сочинение на тему «Как я провёл жизнь». Имею в виду взрослого человека. Но настоящий писатель начинается со второй книги, когда одного твоего жизненного опыта уже мало. Но самое главное – и это не противоречит сказанному – писательство по большому счёту стартует с выдумки. Писатель – это, прежде всего, выдумщик, фантазёр, даже если реализм у него висит на кончике пера. Недаром писателей называют сочинителями, а их произведе-

ния – сочинениями... – не заметил, как разошёлся бывший геолог.

Хани слушала-слушала и в паузу писательского выступления вставила, приобняв малыша:

– Наш Ося прекрасный фантаст! – Она хотела сказать «фантазёр», но поостереглась.

Оскар строго взглянул на неё.

– А что!.. – повела плечами Хани. – Ты же рассказывал мне почти готовую повесть про полёт на экзопланету Проксима Би.

– Я же это только тебе рассказывал.

– Вот и настоящему писателю расскажи, посоветуйся, как и с чего начинать. – Она похвалилась, что с Оскаром, большим любителем астрономии, они совершили недавно набег на загородный планетарий.

– Что ж, будущий космический писатель должен хорошо знать нашу галактику и её ближайшие пригороды, – произнёс Урал Ибрагимович, приглашая гостей в залу, гостиную, кабинет, почивальню в одном лице своей гостеприимной берлоги.

– Здесь то интересно, – перебил мэтра Оскар, – что эта планета, по сведениям астрономов, похожа на Землю. Там и вода есть, и температура, пригодная для жизни.

– И марсиане... тьфу ты! – сама над собой рассмеялась Хани. – И проксиане с глазами-блюдцами, как ты рассказывал.

– Уж не пересказывай, пожалуйста, Хани!

Пикировку прервал профи:

– С чего начинать, говорите? Начинать надо с письма. Писатель должен писать, писать и писать. Можно предварительно рассказывать и советоваться, конечно. Тут кто как поступает. И читать, разумеется, много читать надо. Не как простой читатель, а как писатель, с карандашом в руке, подмечая особенности письма автора, размышляя, что взять на вооружение. Вот кого ты читал в последний раз?

– Толстого.

– Льва Толстого?

– Да, о девочке, которая попала под поезд и осталась жива.

– А-а, быть. Я уж, грешным делом, подумал, что ты говоришь о романе «Анна Каренина».

– Ему это рано ещё... – сказала Хани. – На следующий год только в первый класс пойдёт.

– Способности человеческие школьными классами не измеряются, – парировал Урал Ибрагимович и стал расставлять фигуры на шахматной доске. – Компьютером пользуешься?

За малыша ответила Хани:

– Да он лучше меня комп знает.

– А какие планы в космонавтике? – продолжал любопытствовать представитель самой любопытствующей профессии мира.

– Сначала слетать на Луну, а потом отправиться на поиски внеземных цивилизаций. – Оскар подошёл к журнальному столику с другой стороны и тоже стал расставлять шахматные фигурки.

7

В «берлоге» Оскару понравилась ещё полуметровая скульптура охотника на коне и с орлом на предплечье. Он долго разглядывал бронзовую композицию (на самом деле, гипсовую, лишь покрытую краской под бронзу. – *Прим. автора*). Понятно, его интересовала хищная птица, которую он наверняка сравнивал со своим Сапсаном.

– Что-то она большая очень.

– Птица-то? Это беркут, – пояснил Урал Ибрагимович. – Самая крупная порода в семействе орлов. Видишь, за седлом охотника перекинута тушка птицы – беркута дело.

– А сапсан меньше?

– Значительно.

– А я думал сапсан – самая большая хищная птица.

– Нет, она самая быстрая.

Малыш одобритительно кивнул.

За разговором наблюдала Хани. Концовка разговора про хищных птиц ей, как и Осе, понравилась. Она и за шахматной баталией следила. Первую партию её подопечный проиграл вчистую. Вторая пошла на банальный размен фигур, и далеко до эндшпиля стороны согласились на ничью. Здесь концовка тоже пришлась ей по душе.

После игры писатель подписал новому другу свою книжку под названием «Лестница без перил». Когда захлопнул её и вручил Оскару, тот, завидев обложку, рассмеялся.

Хани стала оправдываться:

– Не подумай чего, Урал, просто мы с ним долгосрочную нашу культурную программу назвали «Лестница в небо». Тоже лестница, понимаешь?

– Значит, одна из ступенек вашей лестницы – это я?

– У нас нет ступенек, – с готовностью ответил Оскар, – лестница наша связана из африканских лиан.

– Это другое дело, – заключил Урал Ибрагимович. – За облака, значит, собрались... Остаётся только удачи пожелать!

Тем временем Хани подошла к окну и заойкала:

– О-ё-ёй, смотрите, какой снег повалил! Зимы ждала, ждала природа, снег выпал только в декабре.

– Не правь классика! – произнёс литератор, и они с малышом тоже поспешили к окну.

Снегопад выдался знатный. За его пеленой не видно было даже соседнего дома напротив. Писатель склонил голову набок и думал, наверное, как всё это можно описать словами. Оскар часто моргал. Хани замерла в изумлении, но ненадолго. Улыбка забрезжила на её лице, и она призывно воскликнула:

– Все на улицу!

Компания гурьбой бросилась к вешалке. Конечно, пришлось ждать самого главного гостя. Хани тщательно одевала, обувала его, он послушно выставлял поочерёдно ноги... Шарфик

вот замотал на шее сам, немножко заправив его под корсет.

И настал тот миг – они дружно шагнули в снежную круговерть и задохнулись от неожиданного порыва ветра, бросившего им всем в лицо по приличной горсти снега. Что за невидаль! Весело утёрлись. А с новыми, а со всеми остальными хлопьями снега было уже не совладать.

**Нынче шаг бесшабашный в цене,
Нынче время небесных ветров.
Ах, как весело дышится мне
Посреди ледяных светляков.**

Это Хани закружилась по детской площадке, раскинув руки и декламируя:

**Всё красивей и круче разбег
Через белую-белую новь,
Пусть случится невиданный снег,
Как случается жизнь и любовь.**

А Оскар принялся обстреливать всех снежками. Ну, конечно, и ему досталось, даже за шиворот залетело. Потом стали наворачивать большие комья и возводить снежную бабу. Урал сбегал домой, принёс морковку, два чернослива, полиэтиленовое ведёрко, и снежная красавица была готова. Не хватало только метлы ей в руку.

Стало смеркаться, компания вернулась домой, отряхнулась, погрелась, выпила по чашке горячего чая... Оскар спрятал подаренную книжку в полиэтиленовом мешке за пазуху, и гопкомпания двинулась опять в снежную замять. Урал взял лопату, пришлось освободить машину от снежного плена. Писатель пожал гостям на прощание руку, а Хани поцеловала его в щёку.

8

На следующий день ни занятий, ни экскурсий... Оскар был наказан.

Когда он накануне вернулся домой и был сдан с рук на руки, мать спросила его:

– Откуда ты такой, так поздно и весь мокрый?

– С Луны, – ответил малыш.

– Я покажу тебе «с луны», и штанину вон на коленке порвал!

Остаток вечера тринадцатый астронавт, побывавший на спутнике Земли, простоял в углу. Он не был суеверен, но тут, видать, чёртова дюжина свою роль сыграла.

На другой день, после обеда, Хани позвонила мамаше Оскара и сказала, что занятия пропускать нельзя, если они хотят добиться результата...

– Какого ещё результата?! – вскипела та. – Какого?.. когда родной сын дерзит и на законный вопрос матери отвечает, что вернулся с Луны!

На следующий день страсти поутихли, Хани забрала у Бабы-няни малыша, решив провести занятие у себя дома.

По дороге он был пасмурен. Хани увещевала:

– На маму не обижайся. Мы же, и правда, задержались. Ещё этот сырой снег!

– Мама – это данность, – ответил Оскар. – А на данность не обижаются.

– А что же тогда?

– Да ничего.

– Я же вижу... насупился.

Малыш не отвечал. Но было видно, в нём что-то бурлит и готово вырваться наружу. Наконец он вздохнул сквозь свои молочные зубки и произнёс тихо:

– А что ты целовалась-то с писателем?

– Я не целовалась, а поцеловала его в щёку на прощание и в благодарность за радушный приём нас с тобой – лётчиков, адмиралов, космонавтов, Ботвинников и скульпторов снежных изваяний. Он же ради нас отвлёкся от своего нового романа и целый день возился с нами.

– Но ему тоже было интересно.

– Не отрицаю, его любопытству нет предела. И потом он мой большой друг и советчик. Он же, когда ты самозабвенно строил самолётики, дал для моей дочери роман Гюго «Отвержен-

ные». У неё в гимназии по истории – «Французская революция», и эта книга была бы хорошим подспорьем по теме. Я говорила об этом дочери, но она прочитала краткое содержание в Википедии и считает, что этого достаточно. Однако Урал Ибрагимович настоял, и я взяла.

– Всё равно... – пробурчал малыш.

Хани вдруг рассмеялась:

– У тебя ревность, что ли, вспыхнула?

– А что это такое?..

– Это, это... – не нашлась, что ответить Хани. – Это такая бяка.

– Ты разговариваешь со мной, как с грудным ребёнком, – обиделся парень.

Кроме дочери дома никого больше не было. Дети познакомились:

– Оскар.

– Роза.

– А какого сорта?

– Софи Лорен.

– Это же имя киноактрисы.

– А почти все розы носят имена красавиц мира.

Хани провела своего ученика на второй этаж, в свой кабинетик, дала задание и спустилась к дочери. Та была в неважном настроении:

– День и ночь ты с этим Оskarиком! На следующий год мне в университет поступать, а ко мне у тебя ноль внимания.

– Как ноль внимания? Сочинение мы с тобой вчера вместе написали, стихотворение Байрона я тебе разложила по полочкам – произношение, акценты, смыслы, роман Гюго принесла...

– Не нужен мне Гюго, я и так содержание знаю, пусть твой Гаврош его читает! – выпалила Роза из семейства Софи Лорен и убежала к себе в комнату на втором этаже, как раз напротив, где сидел над английским текстом Оскар.

Хани было не в новость эскапады дочери. «Что поделать, переходный возраст», – говорила она себе, – повзрослеет – образумится. Вернётся в милое, доброе состояние, какой была

прежде». Она вздохнула, включила машинально чайник, хотя занятие только-только началось, и подумала, что Гаврош-то был постарше Оси.

9

После урока, после чая со сдобными булочками, отправились на протекавшую вблизи посёлка речку, проверить, замёрзла ли она там, в одиночестве, или нет.

– «Сёша» она называется, – сказала Хани, заводя машину. – До вас она не доходит, сворачивает и несёт свои воды к Камскому морю. Я люблю её очень, вольную и приветливую, ещё в октябре окуналась в её прохладу.

– Ты морж, что ли? – удивлённо спросил Оскар.

– Да нет, просто так, для души и бодрости...

Они топали от доведшей их небесного цвета кареты вниз по снежку: «Скрип-скрип, вжик-вжик», а синички приветствовали их с прибрежных ив: «Дзинь-дзинь, синь-синь», а светлые облачка сыпали на них снежинки, как праздничные конфетти. Вот и простор речной. У самого берега вода прозрачно застеклилась, чуть подальше ледок спрятался под снежными наметами, а ещё подальше свободная от ледовых оков Сёша бежала бесшумно, только потемнела чуть. Хани запела:

**Я лечу без руля и ветрил
На свидание с Сёшей весёлой...**

Голос её повис над рекой, как жемчужная нить. Сёша, речка не очень широкая, но зато довольно быстрая. Оскар внимал песне, покачивая в такт головой, и по окончании высказался:

– Удивляешь сегодня, Хани. То ты моржиха, я и не знал до сих пор, то певица... Тебе надо в оперный театр идти работать.

Хани рассмеялась:

– Билетёршей?

– Нет, серьёзно.
– Ладно, Ося, оставим это. Лучше скажи: долго ли отбывал наказание в углу позавчера?

– Не знаю, часов не наблюдал, я думал о предстоящем нашем полёте с Сапсаном. Он должен был прилететь ночью.

– И прилетел?

– Да, прилетел.

Хани втянула голову в пушистый воротник куртки:

– И куда на этот раз вы путь держали?

– На Бородинское поле через Москву и Можайск, затем побывали в Санкт-Петербурге, Париже...

– Что за маршрут такой, Ося?

– До этого я как-то рассказал Сапсану про казус в кафе с тортом «Наполеон» и что хочу узнать побольше о человеке, которого обидел своим невежеством. Сапсан ответил, что я могу искупить вину, побывав на его могиле. Я спросил: «А где это?» Он ответил: «В Париже. Не так уж далеко. Но чтобы иметь полное представление, надо сначала посетить Бородино и Питер, что, вообще-то, по пути».

Хани хотела спросить, на каком языке они разговаривали, и сама себе ответила: «На птичьём, конечно же, на птичьём».

– Бородино сразу за Можайском, в каком-то десятке километров, – продолжал Оскар на обратном пути к машине. – А поле Бородинское и не поле вовсе, а поля за полями, холмы на холмах, речки, ручьи и множество памятников – дивизиям, полкам, батареям, генералам... У Кутузова мы присели. Не от усталости, а вот как-то само собою.

– Понятно, – промолвила Хани, – главнокомандующий всё-таки.

– Над ним орёл распростёр крылья. Хотя там большинство памятников с орлами. А мой взмахнул крылами, поднялся на высоту и принялся считать своих собратьев над монументами, а я стал искать Багратионовы флешы в че-

реде обычных холмов. Как-никак я же всё-таки подготовился к путешествию по историческим местам.

– Да, это ты умеешь! – перевела дыхание Хани на подъёме к своей лазоревой карете.

Оскар тоже запыхался, замолчал, но ненадолго:

– Потом был Питер, где мы пригнездились на крыше Казанского собора, над колоннадой, у её торца, как раз за спиной бронзового фельдмаршала Барклая-де-Толли. И вот что хочу сказать: не зря он там, рядом с Кутузовым. Именно он, а никто иной из военачальников Бородина! Барклай, отступая, спас армию, хотя и писали на него доносы Александру Первому, а Кутузов, бей французов, продолжил тактику Михаила Богдановича, и в итоге война с Наполеоном была выиграна.

– Ну а что Париж? – спросила Хани, заводя машину.

– Париж он и есть Париж, в точности, как на картинках. Облетели вокруг железной госпожи – Эйфелевой башни, воспарили над восстановленным после пожара Собором Парижской Богоматери, пронырнули под Триумфальной аркой и взяли курс на Дом инвалидов. Кто-то его дворцом называет, но это огромный комплекс площадью с целый городской район с возвышающимся во главе Собором Святого Людовика. Это он, Людовик XIV (Король-Солнце) повелел построить богадельню для увечных и старых солдат на шесть тысяч мест. В этой «богадельне», в её Соборе, и покоится прах Наполеона Бонапарта.

Мы залетели под самый золочёный купол Собора со стороны Сены и опустились прямо к саркофагу императора, окружённому балюстрадой и скорбящими скульптурами. Гробница огромная, с ручками по бокам, будто кто сможет поднять её. Она из 200-тонной глыбы красного минерала, добытого в одной из шахт Олонецкой губернии – подарка Николая Первого Франции. Постамент – зелёного гранита, не знаю, откуда взятого. Всё это, конечно, пом-

пезно. Но, скажу по секрету, красотой – не ахти.

– Не впечатлило?

– Впечатлило, но не тронуло.

– А народа там не было, что ли? Говорят, это одно из самых посещаемых мест в Париже.

– Мы же ночью, – пояснил Оскар. – Короче, я подошёл к монументу, задрал голову на вишнёвую гробницу...

– Так я читала, она из розового порфира.

– Может быть, но ночью в Соборе свет был приглушённый.

– Да, конечно, – согласилась Хани, – минералы при разном освещении цвет заметно меняют. Даже на разных фотоснимках гробница эта разного цвета.

– Так вот, подошёл к вечной почивальне императора, к праху его невидимому, к Наполеону Бонапарту, значит, и попросил прощения за то, что назвал его тортом.

Заходить к Хани больше не стали, проехали мимо, пора было доставить Оскара домой на Тихую. Она прибавила скорость, и деревья, фонарные столбы, редкие постройки замелькали за окном автомобиля с удвоенной скоростью.

– Знаешь, Хани, – сказал Оскар с заднего сиденья (как и положено, он сидел за водителем в детском кресле), – мы сейчас с тобой мчимся с огромной скоростью.

– Вполне нормально, – возразила она. – Спидометр показывает семьдесят километров в час.

– Я имею в виду нашу Землю. Она летит по своей орбите вокруг Солнца со скоростью тридцать тысяч километров в секунду, не считая того, что ещё и вокруг собственной оси вращается. И вместе с нами в полёте все люди на Земле, все живые существа, даже спящие в своих берлогах или гнёздах...

– Ну, ты хватил!

– Дедуля говорил, что состояния полного покоя не существует. Всё в мире, так или иначе, движется, хоть

встань, как вкопанный, хоть замри, как пень. Вот я не шевелюсь, а еду и даже лечу, и внутри меня идут процессы... Движение – жизнь.

– Прекрасный афоризм, Ося. Раньше мой папа выписывал журнал «Знание – сила». А ты, когда вырастешь, учредишь своё издание «Движение – жизнь».

Хани, как и прежде, не хотела опровергать утверждения малыша, но не сдержалась:

– Про безостановочное движение твой дедуля высказался, конечно, с философской точки зрения, а в физике состояние покоя всё-таки существует. Это я ещё по школе помню.

Оскар промолчал.

Когда свернули на улицу Тихую и подкатили к «замку», малыш спросил:

– Хани, а мы к писателю больше не пойдём?

– Да съездим как-нибудь, выкроим время...

10

На следующее утро, когда Хани проводила мужа с дочерью в город, одного на работу, другую на учёбу, появился вдруг на пороге Оскар. Она ошарашенно:

– Ты как тут?

– Как, как? *Step by step**... – ответил тот невозмутимо. – Пешком, две автобусные остановки для патентованного путешественника не расстояние.

– Ну, проходи, путешественник.

Гость поставил на пол рюкзачок, снял вязаную шапочку, скинул куртку... Хани приняла одежду с вопросом «почему без шарфа?», повесила на вешалку, обернулась и ахнула:

– Что с ухом-то?

– А что? – переспросил Оскар, подходя к зеркалу.

* Шаг за шагом (англ.)

– Так оно у тебя бармалиновое.
– И точно! – ответил он, разглядывая своё отражение.
– Что случилось, Ося?
– Отлежал, наверное.
Хани всплеснула руками:
– Не рассказывай тут сказки! Оно у тебя стало похоже на большой варёный пельмень.
– Пельмени красными не бывают.
– Нет, дорогой, продают и крашенные. В сторону не уводи, рассказывай!
Оскар в ответ попросил попить.
– Пойдём... – Они прошли на кухню. – Ну-у?... – Она налила полстакана и протянула малышу. – С мамой поссорился?
Оскар осушил стакан.
– А с кем ещё?!
– Ося, милый, я понимаю, она не всегда сдержанна. Но надо к этой, как ты говоришь, данности как-то принаравливаться. А ты постоянно заводишь её, провоцируешь. Зачем тебе это надо? Ты же умный мальчик, ты же мужчина, умей благородным быть, не всегда надо доказывать свою правоту.
Оскар насупился.
– Я просто спросил её: чего больше – звёзд на небе или людей на земле? Она ответила: «Конечно, людей, одних вон китайцев за миллиард!»
– Понятно, – промолвила Хани. – Слово за слово и поехали, и приехали...
– Конечно, у неё один аргумент, – пробубнил малыш, трогая распухшее ухо.
– Когда это произошло?
– Вчера вечером.
– А отец что?
– Уже спал.
– Раньше тебя лёг?
– Он всегда рано ложится, когда приезжает с работы под этим делом. – Малыш умело щёлкнул себя по горлу над корсетом и поправился. – Вернее, когда его привозят.
– А Сапсан прилетал?
– Нет, а то бы я ещё ночью улетел.

Или хотя бы настоящая лестница в небеса была, взбежал бы по ней за облака и не возвращался никогда обратно.

– Рано утром родители ушли на работу, а ты – сюда?

– Не хочу я больше там жить. – Малыш вдруг заплакал и уткнулся под дых Хани. – Усынови меня!

– Как, Ося, при живых-то родителях? – Она обняла его. – Успокойся, милый мой, ты ведь сильный! Мы же и так всю дорогу вместе. Скоро снимут с тебя корсет, в школу пойдёшь, друзья у тебя появятся. Жизнь твоя только начинается.

– Я давно уже чувствую себя стариком. Мама так и говорит, что я маленький докучливый старикашка. Ты же вот слушаешь и не дерёшься. И Баба-няня не дерётся, и папа...

– Папе некогда, ему не до тебя, Ося, а няня просто добрый человек. – Хани примолкла, словно размышляя – сказать или не сказать что-то не высказанное и давно осевшее в её мыслях. Она взяла расчёску с крупными зубьями, прошла по вихрам малыша и сказала: – Пойми, ты не по годам смыслённый мальчик. И не просто смыслённый, твоё умственное развитие опережает физическое. У тебя хорошая память, воображение, ты необыкновенно восприимчив ко всему новому, неизвестному, но в поведении совершенно не обуздан. Что взбредёт в голову, то и говоришь, то и делаешь. Не думаешь о последствиях. Твой дедуля был прекрасным педагогом, он сказал бы тебе сегодня то же самое: начиная что-то, думай о результате. Заглядывай на несколько ходов вперёд, ты же шахматист. А теперь давай мыть руки и завтракать.

Малыш послушно потопал через прихожую в ванную и через две минуты вернулся с ароматом свежeweымытых рук и со своим походным рюкзачком наперевес.

– Зачем он тебе тут? – спросила Хани, накрывая на стол.

Беглец деловито поставил котомку на стул, достал из её недр два бутер-

брода с ветчиной и сыром, ворох конфет и коробочку виноградного сока.

– Ну, ты даёшь! – рассмеялась Хани. – И правда, в большие бега собрался!

– А что смешного? – поджал губы Оскар.

– Нет, так...

– У меня всё серьёзно. И ничего лишнего, – сказал он, затягивая горловину рюкзака. – Вещи первой необходимости – ложка, кружка, зубная щётка с пастой, перочинный режик, смена белья, волшебный колобок, плюшевый мишка – мой талисман, тетрадка, набор ручек-карандашей, витамины, ну, ещё кое-что...

В ответ Хани лишь тяжело вздохнула.

11

После завтрака поднялись в кабинет. Бега бегами, а английский – это, как скрипка, требует ежедневных занятий. Нежданно-негаданно заголосил телефон Оскара, лежавший в отдалении на тумбочке. Хани взглянула на экран и сообщила:

– Это твоя мама, Ося.

– Меня нет, – ответил он. – Я не буду с ней разговаривать.

Через минуту зазвучал «Пер Гюнт» на телефоне Хани. Это опять была его мамаша и спрашивала возбуждённо, не у неё ли Оскарик.

На размышление не было ни секунды, и Хани неизвестно почему, скорей всего, под влиянием категоричных слов малыша в отношении матери ответила, что у неё его нет. И услышала:

– Как он мне надоед! Я его в детский комбинат верну.

– Врачи же запретили, – попыталась возразить Хани.

– Ничего! Превратим «запретили» в просто «не рекомендовали».

Не успела положить трубку, как «Пер Гюнт» завёлся снова. Это был

Урал. На обычное «как дела?» Хани пыталась было ответить, что всё нормально, но комок подкатил к горлу, по щекам покатились слёзы, и она выложила всё, как есть.

– Ну, так приезжайте, – сказал он, – вместе подумаем, как быть.

«И точно, – решила Хани, – и сам малыш ведь просился к нему».

– Обси-чандра-магус-фикус-кокс! – произнесла она, да так, что прилежный ученик над тетрадкой вздрогнул и удивлённо посмотрел на неё. Она вдогонку заклинания скомандовала: – Собирайся!

* * *

Писатель встретил Оскара как старого друга. Малыш первым шагнул через порог «берлоги» и попал в лапы Урала Ибрагимовича.

– Осторожней, осторожней! – ворковала Хани. У неё как-то сразу отлегло на душе. – Корсет ему не помни.

– Рыцарские доспехи не мнутся, – парировал уральский медведь. – Прошу, друзья, в мою укромную обитель!

Попили чай с гостинцами, которые Хани купила по дороге, поболтали, поспрашивали друг друга о том о сём. Больше вопросов было, конечно, к юному вундеркинду. (Прошу простить. Понимаю, что старых вундеркиндов не бывает. – *Прим. автора.*) Но и Оскар нет-нет да и тоже любопытствовал:

– Урал Ибрагимович, а жена у вас есть?

– И жена есть, и дочь с сыном. Но они живут отдельно. Дети уже большие. А здесь у меня как бы мастерская. Почему живописцам положено иметь творческие мастерские, а писателям – нет? Вот я и ломаю традицию. В отличие от художников, здесь я и ночую, и живу практически. Понимаешь, писателю, как никому другому, необходимо уединение.

– Не скучно... одному-то? – продолжал допытываться будущий писатель и космонавт.

– Нет, не скучно. Со мной живут мои герои, они постоянно что-то рассказывают мне, разговаривают между собой, объясняются в любви, ссорятся, мирятся... Да и живые гости ко мне приходят, вот как вы сегодня.

Когда главный гость увлёкся мультсериалом по телевизору, взрослые тихонечко вышли на кухню, и Хани развела руками:

– Откуда такая мамаша при просто уникальном отце её, дедуле малыша?!

– Бывает, – ответил Урал.

Хани досконально прояснила непростую ситуацию и в заключение воскликнула:

– Прямо не знаю, чем всё это кончится!

– Но если он ни в какую домой к матери, пусть на пару дней у меня останется. И ему на пользу пойдёт, и мамон успокоится. А тебе его брать к себе нельзя. Уверен, твой дом ещё полиция навестит.

– Как же ты справишься?

– Двоих детей вырастил, а тут за двое суток с одним зашьюсь?

– Не сомневаюсь, Урал, но у тебя же роман горит, издательские сроки поджимают!

– А мы вместе будем писать. Я свой роман, а он свой начнёт, о котором говорил, о полёте на экзопланету с водой и тёплым климатом. Если человек мечтает о писательстве, то когда-то же надо начинать. Я первую свою повесть не то во втором, не то в третьем классе написал, не помню уж.

Хани помолчала и выдала:

– Посадят нас с тобой за похищение ребёнка!

– Не волнуйся, мы благое дело делаем.

– А как мы вернём его?

Писатель усмехнулся:

– Я романист, в конце концов, или нет? Сама же говорила, что мне удаются закрученные сюжеты.

– И что? – пожала плечами Хани. – Одно дело фантазировать, другое дело

делать. – И заключила: – Да-да, заведут на нас дело.

– Говорю тебе: не волнуйся! Я уже всё продумал.

Хани вопрошающе повела головой, допила свой остывший кофе:

– Что в этой двусмысленной ситуации можно придумать?

– А я через два дня сам отвезу его домой.

– Откуда же, скажут, он у тебя взялся.

– Сам пришёл. Сбежал из дому, уехал на автобусе в город, пошатался по улицам, замёрз и позвонил в первую попавшуюся дверь. Эта дверь оказалась моей.

– А деньги на автобус в город?

– Да кто к малышу будет привязываться. Он крупный, на школьника тянет, проездной дома забыл.

Хани сузила глаза:

– Почему сразу не вернул его?

– Он показал мне распухшее ухо и отказывался называть свой адрес. Понятно: боялся. Я, писатель, инженер человеческих душ, пожалел малыша, знал, что он так или иначе всё мне расскажет, и тогда я успокою его и верну домой, и поговорю с родителями по душам. Потом всё-таки я известный в городе человек, неужели не поверят мне?

– Цепочку выстроил логично, умеешь, ничего не скажешь! – заключила Хани. – У меня, Ибрагимыч, скоро онлайн-занятие, пора собираться.

К ним вышел Оскар, мультсериал закончился.

– Мне пора домой, Ося, проводить очередной урок, – сказала Хани, приобняв его.

– А я? – Он вскинул на неё орехи своих глаз.

– Со мной тебе нельзя, мы об этом говорили. Выбирай – или Урал Ибрагимович отвезёт тебя сейчас же домой, или ты останешься до лучших времён у него?

– Не поеду туда! – выпалил малыш. – Никогда больше не поеду...

Удобно расположившись на диване, сыграли две партии в шахматы. На сей раз была боевая ничья – 1:1.

– Прогрессируешь! – подвёл итог гроссмейстерскому матчу Урал Ибрагимович и спросил: – Ты ещё не передумал стать писателем и космонавтом?

– Нет, не передумал, – ответил Оскар. – Я свои цели каждый день не меняю.

Геолог, писатель, лауреат литературных премий и уральский медведь серьёзно посмотрел на своего юного друга и сказал:

– До космонавтики ещё далековато, но вот писательством можно заняться уже сегодня.

– Как это? – не понял Оскар.

– Я сяду дописывать свой роман, который ждёт издательство, а ты, как заявлял, начнёшь про свою экзопланету... – прости, забыл название.

– Проксима Би.

– Во-во... Когда-то же надо от слов переходить к делу. Элементарно сесть и начать! Сейчас освободим тебе рабочее место, – кивнул хозяин квартиры на кресло и журнальный столик, заваленный «макулатурой», как сам выразился.

– Тебе ноутбук или ручку с бумагой?

– Ручку с бумагой, – ответил начинающий писатель и поднял спланировавший с журнального столика на пол лист бумаги с рогатым чёртиком перед чередой абзацев. – Это что такое?

– А-а-а... – рассмеялся романист. – Я начал составлять список нравственных уроков.

– Среди кого?

– Среди писателей.

Оскар удивился:

– Разве писатели бывают нравственными уродами?

– Ещё как бывают! – с готовностью ответил составитель списка. – Они самые опасные уроды, поскольку владеют словом, как жонглёры булавами. Настольную лампу надо?

– Нет, у меня глаза, как у филина.

Усаживаясь за свой письменный стол, романист спросил:

– Как будет называться твоя повесть, о которой ты уже рассказывал Хани?

– Это будет не повесть. Начну я с другой моей задумки, более краткой и о которой она не знает.

– С рассказа, значит.

– Значит, с рассказа.

– Правильно, лучше с малых форм начинать. Название есть?

– Название я раньше всего придумал. Рассказ мой будет именоваться «Лестница в небо».

– О вашей культурной программе?

– Нет, совсем о другом.

– В своё время с таким названием всемирно известная песня была, – промолвил Урал, устраиваясь за своим письменным столом.

– Так ведь вдохновительница рассказа она и есть, эта песня! – воскликнул малыш.

– Значит, до сих пор жива? – обернулся Урал. – Я ведь со временем оторвался от всего – от рока, футбола, покера...

На некоторое время в писательском цехе повисла тишина, только клавиатура писательского ноутбука не переставала стучать. Рабочую тишину прервал Оскар:

– А что такое покер?

– Карточная игра, – ответил писатель.

Малыш удивился:

– Вы были картёжником?

– Покер – особая игра, дружок, – повернулся к собеседнику вместе с крутящимся креслом бывший картёжник. – Она почти как шахматы. И мировые первенства проводятся, и у нас в стране покер одно время был включён в спортивную программу. Я и в международных соревнованиях участвовал, и призовые места брал...

– Где же вы научились?

– Будешь смеяться, на Урале, в экспедиции, – усмехнулся Урал и, увидев

зачёркнутые-перезачёркнутые первые строки на белом листе малыша, охнул: – Ещё над самым началом маешься?!

– Да вот... – вздохнул Оскар. – Что-то всё не то получается.

Понимаю, брат, двинуться в прозе непросто. Первый абзац ведь, как скрипичный ключ в музыке, задаёт тон всему тексту. Всё-всё, больше не буду отвлекать, давай работать. Скажу только, родишь начало, и дальше легче пойдёт. А то и само собою покатится, успевай только перья менять, как в старину говаривали.

Рассказ у Оскара в тот день всё-таки пошёл-поехал. Два дня они «не успевали перья менять». Обедали, конечно, чаёвничали, гуляли в расположенном рядом зимнем парке, заряжаясь необходимым для высот творчества кислородом, болтали... И всё больше о космонавтике и писательском труде.

– Из покорителей космоса самые счастливые – это Юрий Гагарин и Нил Армстронг, – говорил будущий космонавт, стараясь по белоснежному насту идти в ногу со старшим товарищем.

– Конечно, – соглашался Урал, – первым Землю облететь и первым по Луне шагнуть – это не всем дано!

Будущий писатель перебивал будущего космонавта:

– Что лучше, писать и сразу править до беловика или лететь вперёд без оглядки, а потом исправлять ошибки?

Урал пожимал плечами:

– Писатели, я знаю, и так и сяк работают.

– А вы, Урал Ибрагимович?

– Я сразу, абзац за абзацем, довожу до беловика, а то не могу идти дальше. Потом, когда окончательно закончу, с начала и до конца снова правлю. Рукопись «Войны и мира», например, семь раз переписывалась.

– Ничёсе! А я из-за одного лишь абзаца расстраивался.

Зима в парке стояла классическая, пушкинская – сияло солнце, вились

лёгкие, поблёскивавшие разноцветьем снежинки. Оскар определил их как «слепой снег» по аналогии со слепым дождём. Разлапистые ели и поросль молоденьких ёлочек теснились по краям пешеходной дорожки ещё более зелёные, чем летом. Внимание двух мирно беседовавших прохожих привлёк на белом снегу рыжий комочек с тремя угольками – глазами и носиком – под хвойной красавицей. Оскар подбежал и поднял щенка на грудь.

– Откуда ты взялся такой?!

Урал Ибрагимович погладил малыша (имеется в виду, пёсика) по лобастой голове. Щенок дрожал всем телом.

– Кто-то оставил его на морозе... – промолвил он и в сердцах выразился: – Есть же уроды на свете!

– Давай возьмём его, – поднял Оскар полные счастья глаза.

– Что ж, не бросать же его вторично! – Урал подхватил щенка своей горячей, геологоразведочной рукой, поднял на уровне глаз, деловито осмотрел, будто нашёл неизвестной породы самоцвет. – Ну, пузранчик, пойдёшь с нами?

Щенок то ли взвизгнул, то ли тявкнул еле слышно.

– Согласен он, согласен! – радостно воскликнул Оскар.

А писатель подумал, что дети любят животных больше, чем взрослые. И сам ведь в детстве самозабвенно возился со своим Пиратом! Отстоял его перед родителями, и лопоухое создание стало полноправным членом семьи. А теперь... Всё-таки люди черствеют с возрастом. Дети добрее, честнее, ещё не научились скрывать свои подлинные чувства, врать, лицемерить... И произнёс:

– Да, семейство моё прибывает из дня в день!

Оскар спрятал щенка за пазуху:

– Жаль, что рассказ закончил, а то бы взял его с собой по лесенке на облачко.

– Но мы не спросили, как звать его.

– А это мальчик или девочка? – спросил малыш.

– Однозначно мальчуган! – отозвался эксперт. – У нас в экспедициях без четвероногих друзей не обойтись было, так что я в них разбираюсь.

– А какой породы?

– Кто же его знает в таком возрасте!

– Давай назовём его Марсом, – предложил радостно Оскар, – соседом нашей Земли.

– Во-первых, это не собачья кличка, во-вторых, Марс – имя из древнегреческой мифологии, а уж потом планеты.

– Знаю, знаю, но всё равно, давай не мифологически, а космически!..

– Хорошо, давай космически, – согласился Урал. У него не меньше малыша сладостно защемило на душе и взыграла какая-то давно позабытая щенячья радость. Он вспомнил выплеснувшийся намерзший афоризм «Взрослых учат дети» и хотел было в своей ещё раз подтверждённой правоте воскликнуть «Ай да, Ибрагимыч, ай да сукин сын!», но промолчал, лишь поглубже спрятал кулачок маленького человечка в своей необъятной ладони. Теперь они путь держали втроём.

13

А что Хани? Прав оказался Урал, к ней в тот же день, ближе к вечеру, приезжала полиция. Один из наряда, старлей, то есть старший лейтенант, зашёл в дом. Беглеца, а может, пропажу искать по комнатам не стал, пораспрашивал, поозирался, что-то записал в блокноте из своего планшета, дал визитку и, продолжая бросать взгляды по сторонам, удалился.

Хани тут же по своему запасному, старому телефону позвонила Уралу. За эти два дня она раз десять связывалась с ним. Он спокойно рассказывал о житье-бытье с редким *кунаком** в своей берлоге. Успокаивал, говорил, что всё будет нормально.

* Кунак (там.) – гость.

Она спрашивала:

– Кто это твякает там у вас?

– Приедешь – увидишь! – отвечал он. Передавал трубку гостю, и тот, конечно, удержать секрета не смог: у них появился новый четвероногий друг.

Она удивлялась и немного успокаивалась, сознавая, что Урал ещё на свободе. Что за собачка, откуда и куда её потом? – это пока было не столь важно, это после.

На второй день, ближе к вечеру, при очередном сеансе связи, когда малыш возился с Марсиком, добропорядочный наставник сообщил ей, что Оскар написал прекрасный рассказ.

– Не преувеличивай! – осаждала Хани. – Или для успокоения говоришь, или поправил-отредактировал, а может, переписал даже, добрая ты уральская душа.

– И не собираюсь преувеличивать. В самом деле, хороший рассказик получился. С учётом возраста, конечно, с учётом «первой ласточки» и печатной буквы «я» задом наперёд.

– Да, буква «я» у него, действительно, зеркальная, – подтвердила Хани. – И порой он пишет печатными буквами, хотя почерк у него почти каллиграфический, ещё дедуля научил.

– Хотел, наверное, чтобы всё настоящему, по-книжному было, – предположил Урал. – Вот и весь рассказ «отпечатал».

– А возможно это следствие раздельного английского письма на наших уроках... Но о чём рассказ?

– Семь страничек с иллюстрациями. Он же и рисуночками снабдил свой текст, – отрапортовал наставник. – И так, на облаке жила Голубица (перевозу с устарелого: ангельской души и кротости девушка). Она была добрая-добрая. К ней прилетали скворцы, зяблики, трясогузки, воробышки, и она кормила их горстями облаков, поскольку все они вокруг неё были из сливочного, вишнёвого, черничного мороженого или сахарного сена, которое на земле продают, намотав на палочки.

Однажды она увидела, что мимо её облака плывут разноцветные шарики. Она поймала синенький, а затем и красненький, взглянула вниз: кто это их запускает? Оказалось, мальчик с вихрем волос цвета спелой пшеницы из-под кепки. Голубица спросила: не хочет ли он к ней на облако? «Конечно, хочу», – ответил мальчик. Тогда она спустила плетёную лестницу, и мальчик взобрался по взлетающей плетёнке на белый-белый, пушистый-пушистый стог сладкого-сладкого летучего сена. Его шарики замечательно вписались в интерьер её небесного жилища. Голубица сказала: «Хочу угостить тебя сладеньким. Что тебе, мороженого или сахарного сена, который тает во рту?» Мальчик ответил: «И того, и другого». Она поймала соседнее облачко: «Тогда начнём со сливочного мороженого».

Хани прервала рассказ:

– Урал, дорогой, малышу нельзя много сладкого, у него аллергия. Я понимаю твоё гостеприимство, но не перебарщивай.

– Не перебивай, – ответил Урал. – Слушай дальше. Итак, малец тот, по рассказу, попробовал все виды мороженого – и сливочно-перистых облаков, и вишнево-слоистых, и чернично-кучевых... Потом принялся за сахарное сено, однако Голубица остановила его: «Ты сейчас всё моё облако съешь, и мы упадём на землю». Мальчик был воспитанный, извинился и сказал: «Спасибо большое! Мне очень понравилось парить на облаке. Так много интересного увидел отсюда. Я думал, что мой дом – это центр всего земного, бесконечный мир со странами-комнатами, чердаком, собранием старинных вещей, и окном прямо в звёздный космос; с огромным яблоневым садом, куда я сбегал летом от докучливой няни, и необъятным двором, где построил с дедулей несокрушимую крепость из снега и льда... А взглянул с облака вниз, мой дом, оказывается, меньше спичечного коробка, и таких коробочек внизу разбросано от горизонта до горизонта! Мы ещё когда-нибудь встретимся, дорогая

Голубица?» Она ответила: «Вот обогну земной шар вокруг и вернусь». – «А когда?» – «Кто его знает, какие ветра куда подуют, в какие шторма попадём, в какие штили... Но всё равно мы с тобой обязательно встретимся. Ты только следи за облаками в небе. Запомнил моё облачко, не забудешь?» – «Запомнил, конечно, никогда не забуду, милая Голубица! И новых шариков приготовлю к нашей встрече». Вот, Хани, такой философский рассказ, ни убавить, ни прибавить.

– Удивительно, поразительно! Как можно такое понапридумывать, просто не представляю себе! Ты это прочёл или своими словами пересказал?

– И то, и другое.

– Считаешь, первый блин не комом?

– Совершенно! Я ж тебе говорил. И ещё раз скажу, у мальчика большое будущее.

– А сапсана он там случайно не упоминал?

– Ни сапсаны, ни беркуты в рассказе не присутствуют, хотя другие птички есть.

– Я догадалась, как рассказ называется.

– Ну, это нетрудно – «Лестница в небо».

– Да, конечно.

Но на этом Хани не успокоилась, вопросы продолжали сыпаться за вопросами:

– Спал на твоей гостевой раскладушке?

– На диване, – чётко докладывал старлей в запасе. – Раскладушка слишком прогибается для его позвоночника, сам на ней всю ночь прогибался. И доспехи с него на ночь снимал, как ты учила, и постель стелил хрустящую от чистоты и свежести.

– А ухо ему индовазинном смазывал?

– Конечно, оно у него два дня светило, как красное солнышко на закате.

– Ладно, ладно... Завтра во сколько подъём?

– В семь тридцать, потом туалет, зарядка, завтрак с Интернет-новостями и – в путь.

На другой день Урал отвёз Оскара вместе с Марсиком и рюкзачком домой, на улицу Тихую недалёкого посёлка. Писатель уговаривал оставить кутёнка, но тот не согласился: мол, у них дома раздолье, и двор есть, и сад, а у знаменитого писателя однокомнатная квартира. Логика в словах малыша была. Перед выездом Урал ещё раз проинструктировал его, как отвечать на всякие вопросы, напомнил и номер автобуса, на котором тот якобы добрался до города, и остановку, на которой сошёл погулять.

– Но адрес ты позабыл или вообще не знаешь! Понял?

– Понял, Урал Ибрагимович, не подведу.

К их приезду родители уже укатали на работу.

Со слезами на глазах встретила своего подопечного Баба-няня, которого порой называла внучком. Человек простой, она ни о чём не расспрашивала, только благодарила и крестила раба божьего, явившего ей ненаглядного Оскарушку. Своей натруженной рукой она поправляла малышу выпавшую из-под снятой шапки соломенную чёлку:

– Слава Богу, слава Богу, цел и невредим! А я так переживала, места себе в доме не находила. А тебя, милый мой Оскарушка, и по телевизору показывали два раза. На фотографической карточке, и в корсетке – будь она неладна! – и без, и прямо, и сбоку. А это что за чудо? – увидела она вдруг высунувшуюся мордочку из-за пазухи Оскарушки.

– Это Марсик, – познакомил он Бабу-няню со своим новым другом.

– Ой, какая душечка!

– Не какая, а какой, – поправил малыш, – Марс его зовут.

– Хоть Марс, хоть Марсианка, лишь бы мама приняла.

Она, после приёма «внучика», на-

кормила кутёнка и постелила ему в бездейственной ледянке Оскарушки недалеко от входной двери. Марсику понравилось, он свернулся калачиком в новой постели и задремал. Видать, утомился от новых впечатлений.

И всё обошлось вроде бы. И против пёсика родители сдержались. Что скажешь, когда сын благополучно вернулся! Они настойчиво расспрашивали его, где он был, где пропадал, кто привёл его, но малыш вёл себя, как заправский партизан на допросах. Нет, неправильно сказал, малыш представлял собой настоящего писателя-фантаста. Не подумайте, он не говорил, что на облаке два дня пробыл, но нечто подобное тому нёс. Мамаша... (наверняка, поняли уж, почему нет у этого человека имени), она от этих бредней сына начинала закипать и булькать и в один момент, чтобы не доводить до греха, перестала расспрашивать.

И жизнь постепенно набрала свой крейсерский ход. Уроки английского возобновились, как и прогулки по паркам и музеям, монастырям и мечетям, кафешкам и добрым людям. Порой и Марсика с собой брали. Хани приобрела для него душегрейку по последней моде, и прохожие, как один, оглядывались на модника. Но чаще, конечно, он сидел на руках хозяина.

Урал отпечатал рассказ юного писателя в сопровождении отскеренных авторских рисунков, заключил в обложку из более плотной бумаги, расписал её и титульный лист, как положено, прошил суровыми нитками, и получилась настоящая книжка, хоть на выставку, хоть на международную книжную ярмарку!

В один из дней, когда не разлей вода разновеликая парочка, завалилась опять в берлогу писателя, то совсем не ожидала увидеть необычную экспозицию. На красных ленточках вдоль окна висели три экземпляра одной и той же книжки. Автора и название – и так понятно! – называть не будем, а вот из-

дательство обозначим: «Урализдат». В честь открытия уникального вернисажа бабахнули двумя бутылками шампанского – одним для взрослых, другим – для детей. Потом предоставили возможность автору перерезать алые ленточки, и все трое обрели по экземпляру.

Вот радости-то было! Восторга, изумления, ошеломления... Это был, как говаривала дочь Хани, просто крышеснос.

– «Мы ещё когда-нибудь встретимся, дорогая Голубица?» – выхватывал строки вслух Оскар и спрашивал: – Неужели это я написал?

– Кто же ещё?! – отвечал вопросом на вопрос Урал. – И написал, и картинки нарисовал!

– Здесь буквы совсем другие, настоящие, ряды ровненькие, не то, что у меня были! – Автор трогал мальчиком страницы, водил по строкам, разглядывал рисунки, будто видел их впервые ... – Каракули с облаками, домиками под ними были синими, а тут стали чёрно-белыми.

– Ничего, скоро и цветными будут!

– Нет-нет, чёрно-белые тоже хорошо!

– Ну да, это же графика, особый жанр. – Урал, сидя рядом, листал свой экземпляр. Он был доволен и сказочным содержанием книжки, и его внешним, почти полиграфическим видом. Перелистнув последнюю страницу, воскликнул: – Шедеврально, скажу я!

Малыш тоже долистал, но в ответ лишь как-то судорожно вздохнул.

– Сохрани на будущее, – посоветовал с высоты своего жизненного опыта Ибрагимич. – Я вот свою первую ласточку сохранить не смог. – И добавил через паузу: – А пока оставлю её у себя до лучших времён, потом вручу, не беспокойся!

Хани тем временем прочитала рассказ, прослезилась, обняла малыша, поцеловала:

– Какой ты у меня молодец!

Это было в порядке вещей. Она

и целовала его запросто, и ершила солному волос, и держала за руку во время прогулок... Он позволял ей то, что не позволял родной матери.

Урал, как никто другой, с интересом наблюдал за взаимоотношениями Хани и Оскара. Нет, не правильно сказал, не только наблюдал, но и, как известно, некоторым образом участвовал в их жизни. Однако подлинный писатель не может просто так видеть необыкновенное явление перед собой и, понятное дело, в голове его зашевелился интересный сюжет, детали которого, по большей части, и выдумывать не надо было.

Но если не отвлекаться, то следует заметить, что и к нему приходила полиция, но он умолчал об этом – не хотел посвящать Хани в мелочи, затронувшие и его тоже, будоражить детский ум Оскара...

Когда это было? Как раз, когда он отвёз малыша с Марсиком домой. Удивительное дело, из полиции предварительно позвонили, назначили точное время посещения – 15:00, и ровно, ни минутой раньше, ни минутой позже, гость стоял на пороге «берлоги». Это был офицер с тремя звёздами на погонах. Не с такими маленькими звёздочками, как у посетителя Хани, а с большими, то есть полковник. И собою он соответствовал званию. Был высок, косая сажень в плечах, и шинель на нём была не надета, а отлита по фигуре из свинца и стали.

Полковник вежливо поздоровался, назвав хозяина квартиры по имени-отчеству. Урал, конечно, понимал причину визита. Он и ожидал его, и, по своим раскладам, не ожидал. Но чтобы к нему пожаловал сам начальник городского управления МВД, было неожиданно-стью.

Сняв шинель, полковник хотел и от

ботинок освободиться, но Урал опередил, сказал, что не стоит, на дворе снежно и чисто.. Тот пошаркал влажными ботинками по половичку у входной двери и прошёл в главную залу, кабинет, опочивальню (три в одном) подозреваемого. Не будем тянуть кота за хвост. Урал для полковника оказался не подозреваемым, а почитаемым – любимым писателем-земляком. Он сразу, в двух словах, успокоил литератора, что с отпрыском и его знатным семейством всё понятно, дело о похищении через пару дней будет закрыто.

– А как на меня вышли? – спросил почитаемый подозреваемый.

– Так вы же сами, дорогой Урал Ибрагимович, написали признательное заявление в полицию.

– Не помню такого.

– А как же быть с подаренной Оскару книгой с дарственной надписью и числом перед самым актом предоставления убежища беглецу?

– Понятно, – опустил голову Урал.

Полковник подошёл к книжному шкафу, окинул взглядом литературное добро до самого потолка и, аккуратно распахнув стеклянную створку, пошутил:

– Обыск начался. – С этими словами он взял с полки толстенькую книжку небольшого формата с броским названием на обложке «Записки горного человека». – Мне кажется, эта вещь самая сильная у вас. Скажу честно, я просто фанат её, перечитываю постоянно. Но так это, вспомню что-то и полезу – то на одну страницу, то на другую; то это надо восстановить в памяти, то что-то другое уточнить.

– Давайте я подпишу её вам на память, – взял ручку наизготовку автор.

– С превеликой благодарностью приму от вас свою застольную книгу с автографом. – Полковник хлопнул себя по лбу: – Оговорка по Фрейду! Настольную, конечно же, настольную.

Пока Урал выводил дарственные слова на титуле книги, полковник скрылся в прихожей и вернулся с бу-

тылкой коньяка и большой авиационной плиткой шоколада.

– Отметим это дело, если вы не страдаете антиалкогольными болезнями или принципами!

Прошли на кухню. Урал быстренько сварганил небольшой закусон, достал рюмки.

Выпили за благополучный исход инцидента с малышом, потом за профессионалов следственного отдела (это Урал предложил), потом за высокую литературу (это уже тост полковника), потом...

Потом полковник разоткровенничался, сказал, что в юности баловался детективными рассказами, повестями, даже печатал их в окружной газете.

– Однажды собрался с духом и послал одну из своих лучших повестей в популярный литературный журнал. В ответ же получил оттуда такое доброжелательное письмо, что творческую чесотку как рукой сняло.

– Жаль, – ответил Урал, – у вас там, в отделах, столько невероятных историй, успевай только в литературные формы облачать.

– Кому-то раскручивать эти истории, а кому-то превращать их в рассказы и повести. – Полковник взял с подоконника бумажный кораблик, стал рассматривать рисованные по обоим бортам якоря, иллюминаторы и птицу с распростёртыми крыльями. – Невразумительная у Оскарика семья, – стал он как бы размышлять вслух. – Вроде в достатке живут, всего у них выше крыши, и малец способный, скоро в школу пойдёт, а вот чего-то в семье пробуксовывает. Знаю я их папашу... – Гость тяжело вздохнул. – Ладно, не буду, бог с ним!

– А вы были у них?

– Нет, негоже моему чину шастать там. Наши ребята с ними капитально поработали. – Полковник вдруг улыбнулся. – Урал Ибрагимович, подарите мне этот кораблик.

– Зачем он вам?

– Так.

– Ответ исчерпывающий, – развёл руками Урал. – Берите, конечно. Их у меня ещё с десятков. Попрятал все, а этот остался как-то.

За душевным разговором всемирное время атомных часов на нулевом меридиане остановилось. О беглеце и его родителях больше не вспоминали. Хани всплыла на минутку и благополучно растаяла без последствий. Гости упорно интересовали вопросы творчества Ибрагимыха: почему трагических концовок у него раньше было больше, а теперь их нет, они стали какими-то двойкими – хоть так понимай, хоть сяк? С какой стати его повести превратились то ли в мистику, то ли в фантастику, а с другой стороны, и не то, и не другое, а самый реальный реализм, если подумывать?

На посошок писатель показал самиздатовскую книжку с рассказом Оскара. Это был контрольный выстрел в берлоге Урала. Проглотив рассказ, впечатлённый полковник заключил в тиски тяжёлых ручищ свою квадратную голову, точно её прошила пуля навывлет от виска к виску.

– Не может быть! Чтобы шестилетний ребёнок написал такое?!

– Но факт остаётся фактом, – бесстрастно ответил Урал. – И они, эти факты, как часто повторяют ваши коллеги, упрямая вещь. Кстати, Моцарт начал сочинять музыку в пять лет, а нашему скоро уже семь.

– Моцарт Моцартом, чего только не бывает в истории человечества, а тут вот, прямо нате вам!.. Наверное, всё же вы как-то помогли ему?

– Только тем, что дал бумагу с ручкой и усадил за журнальный столик.

Разговор резко сменил русло. Он схлынул с книг профессионального писателя и нахлынул на самодельную книжку юного дебютанта. Полковнику так не верилось, что Оскар сам написал эту заоблачную новеллу. Пусть там и буквы детской рукой печатно выведены, и «я» наоборот, всё равно некогда с лихвой познавший литературный труд

человек не мог представить себе, чтобы какой-то неоперившийся желторотый птенец, без единого класса образования, без капли творческого опыта вот так с ходу мог бы выдать готовое произведение. Пусть он гениальный ребёнок, пусть даже вундеркинд, но чтобы без разбега, с первой попытки?.. Любезный гость продолжал и продолжал дотошно расспрашивать, а Урал только посмеивался:

– Вы, товарищ полковник, превратились в заштатного следователя, который ничему не верит.

Наконец, начальник управления МВД сдался:

– Верю, верю... А в скольких экземплярах вы изготовили эту замечательную книжцу?

Урал намёк понял.

– У меня дома два экземпляра. Один авторский, пока я придержал его у себя, другой мой, отксеренный. У вас в руках оригинал. Я бы подарил вам свой, но всё равно надо спросить разрешения у автора. Да и с дарственной надписью будет лучше. Давайте подождём немного. Потом завезу или встретимся как-нибудь.

Полковник лишь вздохнул в ответ (вообще он часто вздыхал), взял бутылку, освежил рюмки, и непринуждённая беседа полицейского с писателем продолжилась.

Всемирное время на нулевом меридиане ещё долго не запускалось.

Урал вышел провожать гостя, когда на город уже опустились сумерки. Мужики скрипели по свежевывавшему снегу тротуарами возле домов, не прерывая беседу, а легковая, бело-синяя «тойота» с погашенными мигалками, но с аварийным помигиванием бесшумно следовала за ними по краю дороги.

Верите – нет, такие вот бывают любители литературы в полковничьих погонах?

Конечно, можно было рассказать Хани о забавном визите полковника полиции. Но Урал помалкивал, потом как-нибудь, куда спешить...

Вот и Новый год на носу. И все разбежались по своим семьям. В новогодний вечер, после трудоёмкого обеспечения горожан продуктами на праздничный стол припозднившийся отец подарил Оскару коробку с ёлочными игрушками. Не успел он повесить на заждавшуюся нарядов пихту последний шарик, как нагрянули гости – дяди и тётки, друзья родителей, коллеги, они стали пировать, им всем было весело, а ему нет. Ближе к одиннадцати часам его, без пяти минут школьника, отправили на боковую, не дав даже Марсика с собою взять. Он долго не мог уснуть, ворочался, было шумно и обидно.

На другой день, после обеда, за ним приехала Хани, и они отправились в парк Горького на самую большую городскую ёлку. Она подарила своему юному другу поясной вязанный кошель, отороченный кожей, с затягивающейся горловиной.

– Знаешь, для чего?

– Конечно, знаю – для монеток. Или конфет...

– Эх ты, знайка-зазнайка! Это же для твоего волшебного обсидиана.

– О-о, и точно! – восхитился малыш и сунул руку в диковинный мешочек:

– Я же сказал, для конфет! – Он извлёк две «Красные шапочки» и протянул одну спутнице-наставнице.

– Тебе же нельзя сладкое, аллергик!

– Сама положила, сама «нельзя».

– Просто пустые кошель не дарят, – сказала в своё оправдание Хани и развернула фантик с серебряной подкладкой. – Это мои любимые...

– Мои тоже, – соврал малыш, потому как любил конфеты все и любые. Покончив с угощением, он сказал: – Хани, извини, я тебе ничего не подарил сегодня, потому что ещё не дорисовал свой подарок.

– Хорошо, – ответила она, – будем ждать.

Машину оставили на стоянке, по-

дошли к главному входу, новогодней арке с ледяными Дедом Морозом и Снегурочкой по бокам. Народ валил в парк валом. Смеркалось. Небо посинело, сугробы подёрнулись голубой вуалью. Весь путь до главной ёлки и справа, и слева, и сверху был увешан весело замигавшими разноцветными огоньками. Встречные и поперечные лица – все до одного были радостны и счастливы. Прошли мимо катка, мимо искусственных горок, всюду говор, смех, ещё и музыка откуда-то сверху лилась. Хани сказала, что это парк её детства.

– Мы жили рядом, и я с детворой нашего квартала пропадала тут круглый год, зимой на коньках, на лыжах, летом на качелях-каруселях, на теннисных площадках... Ох, какой здесь был летний кинотеатр! Весь из резного дерева, красота неопишная! Надо же, сгорел. А мы с тобой тут были осенью, только на другой стороне, на холмах. Помнишь, за ястребом наблюдали?

В этот момент какая-то прохожая в мутовом полушубке, смеясь и радуясь встрече, обняла их обоих:

– Хания, салям! Какими судьбами?

– Какими, какими... Новогодними! – Хани тоже обрадовалась, тоже обняла встретившуюся на пути тётку.

– А это сын твой? – окинула та взглядом малыша. – Похож, похож... Держи конфетку!

Когда наговорились и прошли дальше, Хани конфетку отобрала, пояснив про тётку:

– Это моя одноклассница по средней школе.

– А я думал учительница, – удивился Оскар. – Она же старше тебя.

– Нет, просто жизнь у неё была тяжёлая.

Наконец добрались до ёлки, высокой-высокой, красивой-красивой! На макушке звезда рубиновая, на хвойных лапах игрушки сказочные, сосульки серебряные и гирлянды огней в виде звёздочек разноцветных, пляшущих вверх, вниз и вокруг красавицы ёлки.

– Вот, Ося, наступил новый год – год

твоего семилетия и похода за знаниям в школу.

– В гимназию, – поправил малыш.

– Какая разница! – ответила Хани. – Главное, чтобы гимназия твоя стала для тебя хорошим другом.

Нежданно-негаданно закружила порывистая метель. Честной люд вокруг загомонил, весело засуетился. Только Дед Мороз со Снегурочкой продолжали, как ни в чём не бывало, ходить вокруг ёлки и сыпать поздравлениями.

– Метель – это хорошо, это бодрит! – высказалась Хани, поднимая капюшон малышу. – Здесь рядом есть чудесная кафешка под названием «Лето». Побежали!

Но не они одни захотели в лето среди зимы. Туда было не протиснуться, и они, подняв «молнии» курток до упора, взяли курс на выход из парка – мало ли в городе других уютных местечек!

А встречный поток не уменьшался. Люди хотели праздника и счастья. Наши топали в узком ручейке беглецов не беглецов, но, вернее сказать, просто насытившихся новогодними впечатлениями.

Хани спросила:

– Слушай, Ося, что-то ты давно о своём Сапсане не рассказывал?

Ося не сразу ответил:

– Он взял отпуск и улетел к своим родственникам на Кольский полуостров. Вернётся к весне. – И через несколько шагов подтвердил – Да, к весне.

17

Таким образом, миновал календарный год, но не учебно-подготовительный. Время, как песочные часы, течёт, не остановишь. Шли дни за днями, месяц за месяцем, подготовка к гимназии продолжалась, как вдруг и весна-красна незаметно подкатила, звонкая, неудержимая, одна из тех редких вёсен, когда буквально в мгновение ока матуш-

ка-зима со своими снежными шубами, ледяными жемчугами-бриллиантами прощается по-английски, когда коньки и лыжи меняются на кеды и кроссовки, когда вся природа в считанные дни одевается в зелень, которая мгновенно наполняется шумом, треском, свистом, писком и соловьиными трелями.

Не осталась в стороне и своенравная Сёша, она взбунтовалась в тесных берегах, разлилась не только по пойме, затопив близлежащие дома со всеми их приусадебными постройками, но постепенно успокоилась и вернулась в своё привычное русло.

Пуще Сёши взбунтовалась мать Оскара. Два раза муженёк её подвёз Хани домой на занятия с их сыночком. По дороге через двор от машины до крыльца они мило беседовали, улыбались, он нёс её туго набитый портфель, и хозяйка, следившая за ними в окно, зашлась ревностью. Она у неё вспыхнула резко и так озарила серое вещество черепной коробки, что уж больше не гасло, а только росло – то медленно, въедливо, то с новыми вспышками и озарениями. Но эти вспышки вырывались наружу. Первоначально только в сторону мужа.

– На кой вчера ты остался дома и не пошёл на работу?! – кричала она в ярости. – Меня спровадил, а сам решил на дому любовниц принимать?

– Каких любовниц? – оправдывался глава семьи. – Я остался готовить квартальный отчёт, а Хани пришла заниматься английским.

– В Лондон, что ли, собрался?

– Сама же знаешь, к Оскарику она приходила, а не ко мне. Да и Баба-няня дома была.

– Баба-ня-я-ня... – передразнила ревнивица. – Знаю, сговорились все тут. Приезжаю с работы, а его дома нет. С ней, значит, уехал!

– По четвергам у меня бассейн, к вашему сведению, генерал Отелло!

– Ну-ну, невинная овечка, Дездемона с колхозного базара, я покажу тебе Отелло в действии, вот заявлю куда

следует о твоих делишках с двойным дном, никакой отчёт не поможет. А ты что тут ходишь, подслушиваешь? – накинулась она на спустившегося со второго этажа сына.

– Ничёсе – «подслушиваешь»?! Хотя уши затыкай, всё равно всё слышно, точно у нас в доме гром и молния поселились. Мне же заниматься надо, Хани завтра спрашивать будет.

– Ох уж эта ваша Хани, давно пора с ней разобраться!

18

– Что-то, Ося, ты плохо подготовился к сегодняшнему уроку, – сказала Хани. Они сидели в его башенной комнате «замка», за письменным столом перед открытым окошком, за которым чирикали птички, шелестела листва, и волны тёплого майского дня, вздымая гардинный тюль, прокатывались по комнате.

После вчерашнего семейного скандала, Оскару хотелось многое рассказать и о многом расспросить, но он уже по-взрослому чувствовал, что этого не стоит делать. Однако не удержался – рассказал. И от слова к слову всё подробнее.

Он встал из-за письменного стола, откинул тонкую занавесь, подобрал всей грудью под корсетом сочного, живительного воздуха весеннего полудня и сказал:

– Пойдём, Хани, на волю, прогуляемся до Сёши, как она там?

– Хорошо, – согласилась она. – На машине или пешком?

– Какая же прогулка на машине? И Марсика с собой возьмём.

Сказав это, Оскар потянулся на подоконнике, чтобы закрыть окно, и неудачно двинул фарфоровое блюдечко с ракушками, шишками и оно, будто птица, выпорхнуло на волю... Малыш выглянул в окошко, блюдечко разбилось вдребезги о плиточную кладку. Оскол-

ки со всем добром разлетелись далеко в разные стороны.

На автомобиле до реки добраться было быстрее, но по круговой. А пешком – наперерез, через берёзовую рощицу и прямо на берег Сёши. Так и пошли.

Кутёнок заметно подрос. Он то убежал далеко вперёд, то вертелся у ног.

Хани спросила:

– Определили породу?

– Да, конечно, – с готовностью ответил Оскар, – это помесь кавказской овчарки с австралийским терьером.

Хани рассмеялась:

– Будет тебе сочинять!

– У Марсика нашего самая распространённая порода на свете – дворняга, – признался Оскар и погладил своего дружка. Тот принял ласку, а уши топориком – слушал, переводя взгляд больших верных глаз с хозяина на гостью.

Хани тоже погладила лохматого подростка:

– Он у тебя совсем уж не Марсик, а настоящий Марс!

Вышли на берег и долго смотрели, как труженица Сёша безостановочно, без перерывов и заминок несёт свои воды вдаль.

Оскар сполоснул руки:

– Вода ещё холодная. Надо удочки купить и будем рыбалить.

Хани то ли спросила, то ли просто так произнесла:

– А какая рыба в такой быстрой воде может быть?

– Окунь, – живо ответил Оскар. – Вечно голодный окунь. Для него спиннинг нужен.

– Откуда ты всё знаешь?

– Забыла, что я волшебник?

Хани рассмеялась:

– То волшебник ты, то писатель... А писатель – это сочинитель. Да, Ося, ты большой сочинитель!

Оскар порывисто задышал:

– А хочешь, через минуту Сёша в обратную сторону потечёт?

– Нет, не хочу, пусть бежит в своём законном направлении. Кстати, не забыл, что через неделю тебе семь лет исполнится, и ты войдёшь в возраст полноправного школьника?

– Гимназиста.

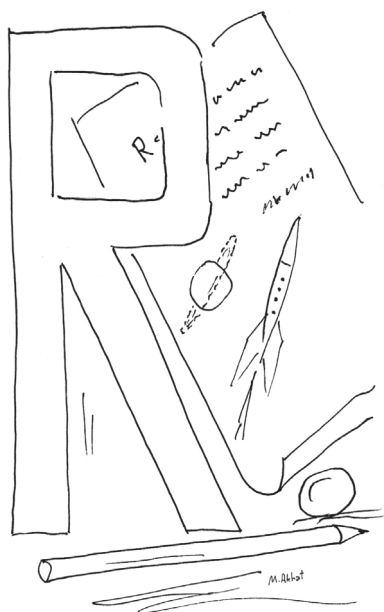
– Тем более! – Хани одобрительно покачала головой. – А когда ты начнёшь писать заявленную повесть про обитаемую планету?

– Чтобы замахиваться на большие вещи, понял я, надо овладеть техникой письма на компьютере. Покажешь, ладно?

– Но это тоже учёба и потребует времени. Особенно вначале, а потом можно будет совершенствоваться и по ходу самой повести.

– Знаешь, сколько мне пришлось черкать свой рассказ и переписывать?! Урал Ибрагимыч говорил, что шайтан-машина, как он называет свой ноутбук, в разы увеличивает производительность труда.

– И представить себе не можешь! Черкать уж не придётся. Цифровую электронику ты хорошо знаешь, но клавиатура – совсем другое дело. Да ещё издательские правила... Их в специальных училищах преподают.

Всезнайка молча слушал, а Хани сменила тему:

– Скажи, а Сапсан твой с Кольского полуострова вернулся?

– Да, вернулся. Недавно прилетал и сетовал, что я остался в четырёх стенах и не повидал самый красивый уголок земли. – Оскар поднял с песка плоский камешек и метнул низом так, что блинчик запрыгал на мелководье. Марс решил броситься за ним, но, добежав до воды, остановился и завил хвостом.

Решили продолжить занятие. Вернулись, а дома уже гремела посудой хозяйка. Она вышла навстречу, протёрла тряпкой руки и воскликнула:

– Где вы шастаете, вместо того, чтобы заниматься?!

– Мы решили сделать небольшой перерыв и немного прогуляться на свежем воздухе, – ответила Хани.

– Вот, что, милая, я скажу, – продолжила она, закинув тряпку на плечо: –

Я освобождаю тебя от дальнейших занятий с моим сыном. Договор договором, а у жизни свои права.

– Какие ещё права?! – встрял Оскар.

– Ты ещё тут будешь!

– И буду, она не с тобой занимается!

– А кто деньги платит?

– Папа!

– Ну да, твой папочка тут не только твои уроки оплачивает...

Наконец и Хани вступила в разговор:

– Напрасно вы так. Оскар показывает очень хорошие результаты. Он уже бегло говорит по-английски, читает, пишет. Ещё немного осталось, и приступит к учёбе в специализированной гимназии. Хотя и там люди не отказываются от дополнительных занятий. А насчёт вашего папаши скажу, он с головой в своей работе. Ему совсем не до меня и, к сожалению, не до Оскара тоже. – Она застегнула танкетку, вторую ещё и расстегнуть не успела. – А ваша ревность – это чистой воды патология. Она совершенно смешна и нелепа и до добра не доведёт – с таким необузданным характером-то... Вам надо остыть, успокоиться и... – Хани не договорила, сорвавшаяся с тормозов женщина перебила её:

– Не тебе меня учить. На себя посмотри. Вцепилась в мальчишку, роди своего, вот и воспитывай. Недобрала материнства с одним-то ребёнком, теперь моего крадёшь! – От натуги она закашлялась. – Ревность, видите ли! Какая ревность?! Просто моё сердце материнское почуяло неладное и шепнуло: гони эту шалаву из дому от греха подальше. Вот и всё, до свиданья, вернее, прощай, дорогуша!

– Вот и не всё! – кричал Оскар. – Пойдём, Хани, поднимемся ко мне и продолжим занятия.

– Никуда она с тобой не пойдёт. Вон из моего дома!

– Тогда и я уйду с ней!

– Никуда тебя не пущу. – Мамаша схватила сыночка за руку. Он стал вырываться, но жилистая длань крепко держала малыша.

Из задней комнаты выбежал Марс и стал лаять на хозяйку.

– И этого кабысдоха ты организовала, – бросила она в сторону Хани. – Вот и забирай его с собой!

Марс продолжал лаять. Она схватила свободной рукой мужнину трость с тяжёлым набалдашником и ударила ненавистного пса, он, взвизгнув, выскочил во двор, вслед за удалявшейся Хани. Звякнула тяжёлая калита (не калитка) подле ворот, заурчала за забором машина и, газанув, зашуршала шинами.

Оскар наконец вырвался из железных рук матери, побежал за своими друзьями, но за воротами уже не было ни Хани, ни Марсика, ни серо-голубенького «ниссана», – тишина, не считая шума листвы и птичьего гомона. Парень вернулся в дом, молча протопал мимо стоявшей памятником матери с тряпкой на плече и пошёл считать вслух взлетающие ступеньки к себе, в своё убежище.

На следующее утро Баба-няня прибыла привычно рано. Хозяева, по обыкновению, уехали ещё раньше. Она поднялась к Оскарушке в его башенку, а его нет. Окно распахнуто, на подоконнике иссиня-чёрное птичье перо, зацепившееся за оконную раму, и записка крупными печатными буквами: «Я улетел к Доктору Коксу и к дедуле». Как обычно, буква «Я» стояла задом наперёд, повернувшись лицом к хвосту предложения.